Заклятие наследницы фараона

Автор:
Наталья Александрова

Заклятие наследницы фараона

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

Более трех тысячелетий назад в Египте властвовали женщины-фараоны, и самой могущественной и знаменитой из них была царица Хатшепсут. Согласно легенде, она владела священным ожерельем необычайной красоты, которое давало безграничную власть над мужчинами…

След артефакта затерялся в веках, считалось, что он безвозвратно утерян, однако его поиски не прекращались. В наши дни фрагменты ожерелья оказались у трех ни о чем не подозревающих девушек, которых преследуют те, кто хочет заполучить частицу могущества владычицы Хатшепсут.

Ранее книга издавалась под названием «Талисман египетской царицы».

Наталья Александрова

Заклятие наследницы фараона

– Медина! – проговорил таксист, обернувшись.

В голосе его была такая гордость, как будто он сам выстроил эту Медину в свободное от работы время. Должно быть, с такой гордостью Господь Бог, сотворив Землю, отер пот со лба и сказал, что это хорошо.

– Как Медина? – удивленно и обиженно воскликнула Арина. – Почему Медина? Я же просила Карфаген!

– Медина! – повторил араб, и на его лицо набежало облачко. – Твенти долларс – Медина. Карфаген – фифти долларс.

Арина застонала.

Когда полчаса назад она по трапу сошла с корабля и вышла на выжженную солнцем площадь перед зданием порта, к ней лихо подкатило белоснежное такси, белозубый араб распахнул дверцу и радостным голосом ярмарочного зазывалы пригласил:

– Мадам, Карфаген, плиз!

Арина хотела осмотреть развалины Карфагена. Она прочла в путеводителе, что эти развалины – самое интересное, что можно увидеть в Тунисе. В этом же путеводителе, ориентированном на небогатых российских путешественников, сообщалось, что от морского порта до развалин примерно пятнадцать минут езды и что такси обойдется долларов в десять – пятнадцать. Однако, когда Арина, наученная горьким опытом общения с арабскими таксистами, спросила зазывалу: «Сколько?» – он с той же ослепительной улыбкой сообщил:

– Фифти долларс! – И для того, чтобы избежать любых недоразумений, повторил: – Пятидесят!

– О нет! – возмутилась Арина. – Это очень дорого! Вери экспенсив! Пятнадцать… фифтин… самое большее – двадцать! Твенти долларс – о’кей?

– Ноу! – Улыбку стерло с лица таксиста, на нем проступило выражение горькой и незаслуженной обиды. – Ноу фифтин! Ноу твенти! Фифти!

– Вери экспенсив! Очень дорого! – заупрямилась Арина. – Твенти! Двадцать, но не больше!

Таксист задумался, потом его лицо просветлело, он махнул рукой, к ним тут же подкатила другая машина, не такая нарядная. И водитель в ней был не такой

белозубый.

– Твенти долларс! – сообщил первый таксист Арине, указав на второго, как будто продавал его на рабовладельческом рынке вместе с машиной.

– Твенти! – удовлетворенно кивнула Арина и села на заднее сиденье, довольная тем, что она, такая умная и практичная, сумела настоять на своем и выторговала у местных жителей некоторую сумму. Не столько даже сами сэкономленные деньги радовали ее, сколько то, что она проявила твердость, не дала себя обмануть…

И вот теперь оказалось, что вся ее практичность ничего не стоит, что ее опять нагло развели и за свои двадцать долларов она приехала вовсе не на развалины Карфагена, а в какую-то Медину.

– Медина! – повторил таксист и показал рукой на белые каменные ворота, отделявшие вполне европейский город, где он остановил свою машину, от вполне восточного города из сказок «Тысяча и одна ночь».

Делать было нечего. Арина отдала обманщику двадцатку и направилась к воротам.

До ворот все было чистым, нарядным и обыкновенным. До ворот по сторонам широкой улицы стояли шестиэтажные каменные дома, такие же, как в Париже, в первых этажах нарядные кафе чередовались с магазинами и офисами, по улицам сновали деловые мужчины и женщины в приличных европейских костюмах, несмотря на жару. Впрочем, возможно, для них сейчас было прохладно, осень все-таки.

За воротами же… Арина словно в доли секунды перенеслась в другой мир, в другую эпоху. На нее обрушилась волна пряных, непривычных запахов – пахло корицей, перцем, гвоздикой и какими-то незнакомыми пряностями, и подгорелым маслом, и дымом, и верблюжьей шерстью. Арина не знала раньше, как пахнет верблюжья шерсть, но догадалась, что именно так, а потом рядом с ней открылась калитка, и за ней она увидела грустного верблюда, привязанного во дворе. Верблюд взглянул на нее недовольно, пожевал губами и собрался плюнуть, но тут калитка снова закрылась.

На нее обрушилась лавина звуков – крики торговцев, скрип колес, блеянье баранов и протяжный голос муэдзина, доносящийся откуда-то сверху. Она запрокинула голову и увидела высоко в бледно-бирюзовом небе стройный силуэт минарета и тут же чуть не свалилась в грязную канаву. Больше она голову не задирала, смотрела под ноги и по сторонам, тем более что дальше неба не было – вместо него над головой была сплошная закопченная кровля, город превратился в сплошное бесконечное жилье, точнее, в крытый рынок, где торговали пряностями и бараниной, кунжутным маслом и кожаными подушками, верблюжьей сбруей и коврами, масляными светильниками и яркими платками.

Арину хватали за руки и тащили во все лавчонки подряд, с загадочным видом обещали самые лучшие цены и самые удивительные товары. Она вырывалась, протискивалась сквозь толпу, ошарашенная и раздавленная этим шумом и гомоном, этой назойливостью людей, звуков и запахов.

– Мадам! – тихо и проникновенно проговорил, встав у нее на пути, подросток в клетчатом платке-арафатке. – Мадам, идемте со мной, я показать самый красивый вид!

– Не надо! – Арина обошла его, помотав головой. – Ничего не надо!

И снова лавки и лавчонки, и зазывалы в грязных рубахах, и старики с чашечками кофе на пороге кофеен, старики, играющие в нарды, старики, курящие кальян…

Вдруг стало немного тише, лавки кончились, перед ней была высокая дверь с узором из разноцветных гвоздей, перед дверью сидел на стуле величественный старик с кальяном. Увидев Арину, он вынул изо рта мундштук, протянул ладонь лодочкой и строго проговорил:

– Большая мечеть. Смотреть – пять долларс!

Арина решила, что надо же что-то осмотреть, не зря же она сюда приехала. Сунула в ладонь старика пятерку. Он медленно поднялся, отворил дверь, пропустил ее внутрь.

За дверью был огромный двор, окруженный легкой колоннадой. По другую сторону двора виднелся вход в мечеть, и она направилась было туда, но перед ней оказалась решетка с замком. Возле решетки сидел на стуле второй старик,

как две капли воды похожий на первого.

– Нельзя! – произнес он непреклонно.

– Как нельзя? – опешила Арина. – Я заплатила пять долларов за то, чтобы осмотреть мечеть…

– Нельзя! – повторил старик. – Смотреть отсюда!

Он полуобернулся, широким жестом показал на залитый солнцем пустой двор. Ничего интересного там не было.

– Хамство какое! – выдохнула Арина возмущенно. – За что деньги берете? За то, чтобы поглазеть на пустой двор? Да я таких дворов столько видала…

Старик ничего не ответил, взял в рот мундштук кальяна и полузакрыл глаза.

Арина развернулась, вышла в двери, неприязненно зыркнула на первого старика и прошипела:

– Жулики!

Старик расплылся в улыбке и проговорил:

– Приходите еще, мадам!

– Ноги моей здесь не будет! – фыркнула Арина и быстро зашагала вперед. Точнее, назад. Она решила покинуть эту грязную, негостеприимную, жуликоватую Медину и побродить лучше по европейской части города, пройти по магазинам, посидеть в кафе…

Однако через десять минут она поняла, что заблудилась.

Вокруг снова были лавки и лавчонки, ковры и пряности, благовония и сувениры, торговцы и зазывалы. Она поворачивала направо и налево, но только еще больше запутывалась в лабиринте старого города. Арина едва не оглохла –

голоса торговцев и зазывал, крики верблюдов и ослов снова обрушились на нее, от шума и запахов у нее заболела голова. Ей казалось, что она узнает какие-то лавки, что она давно уже ходит по кругу и теперь уже никогда не выйдет из этой злополучной Медины…

Наконец ей стало просто страшно.

Ведь она может опоздать на свой корабль – и что тогда делать?

Вдруг перед ней появился знакомый подросток в арафатке, тот, что предлагал показать самый красивый вид. На этот раз он ничего ей не сказал, только безразлично скользнул взглядом. Видимо, на ней была уже печать пленницы Медины, он знал, что она никуда отсюда не денется, и тут же утратил к ней интерес.

Тогда Арина сама обратилась к мальчишке:

– Как выйти из Медины? Вэй аут?

Подросток взглянул на нее то ли сочувственно, то ли пренебрежительно, повернулся, поманил за собой и повел куда-то в глубь кривого темного переулка.

Арина пошла за ним – а что ей еще оставалось?

Они снова шли мимо лавок, потом мальчишка свернул в одну из них, но не задержался, а прошел насквозь, раздвигая свешивающиеся с балок потертые ковры. Арина едва поспевала за ним, ужасно боясь отстать. Они вышли на другую улочку, здесь было еще более шумно. На углу высокий чернобородый человек жарил мясо, кровожадно оглядывая прохожих. Арина испуганно покосилась на него, догнала своего провожатого, растерянно спросила:

– Долго еще?

– Ван момент! – отозвался тот и вдруг схватил Арину за руку и втащил в очередную лавчонку, на первый взгляд ничем не отличающуюся от остальных. Полки были заставлены позеленевшими от времени медными кувшинами,

светильниками и перламутровыми шкатулками, по стенам развешаны чеканные блюда и кожаные седла, с крюков и балок свисали потертые молитвенные коврики.

Навстречу им поднялся седобородый величественный старец. Аринин провожатый что-то сказал ему по-арабски, старец важно кивнул, вложил в руку мальчишки монету. Тот скользнул было на улицу, но на этот раз Арина ухватила его за ухо:

– Куда ты меня привел, паршивец? Я просила вывести из Медины! Вэй аут!

Малолетний жулик заверещал, показал пальцем на старца:

– Вэй аут! Этот господин показать! – И тут же извернулся, высвободил ухо и исчез в лабиринте лавок.

Арина в полном отчаянии повернулась к старику.

Тот учтиво поклонился ей, подставил низенький, обитый кожей табурет.

Арина опустилась без сил, осознав, как устала от беготни, шума, непривычных запахов, а главное – от беспокойства. Старик поставил перед ней на низкий круглый столик позолоченный поднос с маленькими хрустальными стаканчиками, в которых дымился горячий красный чай, и серебряную вазочку с пахлавой.

– Прошу, мадам! – проговорил он степенно.

Арина была возмущена тем, как ее заманили в эту лавку. Она ничего здесь не собиралась покупать. Но она устала и подумала, что глоток чая ничем ей не повредит и ни к чему ее не обяжет. Она поднесла стаканчик к губам и сделала глоток…

Чай был необыкновенный. В нем чувствовался аромат фруктов и цветов, аромат душистой южной ночи и дальних странствий, аромат детства и каких-то давно забытых воспоминаний.

Усталость и раздражение прошли. Арина взглянула на старика с благодарностью. Тот улыбнулся и скрылся в глубине лавки.

Арина допила чай, поставила стаканчик на поднос и решила, что сейчас спросит у старика дорогу из Медины.

В это время хозяин лавки вернулся. С заметным трудом он тащил большой кованый ларец. Поставив его перед Ариной, откинул крышку.

Арина из вежливости заглянула в ларец.

Здесь была какая-то дешевая дребедень – стекляшки и побрякушки, стаканчики и коробочки, бусы из разноцветного стекла и фарфоровые статуэтки, медные перстни и брошки – в общем, та ничего не стоящая ерунда, на которую средневековые купцы выменивали у дикарей золото и слоновую кость.

– Мне ничего не нужно, – проворчала было Арина, но вспомнила вкус чудесного чая и подумала, что можно купить у старика какую-нибудь мелочь, чтобы сделать ему приятное.

– Ван доллар! – проговорил старик и повторил: – Всего один доллар!

И тут из груды дешевых побрякушек прямо ей в руку выпал крупный темно-синий камень в темной оправе тусклого старого металла. То есть, подумала она, наверняка не камень, а стекляшка… впрочем, красивая стекляшка, хорошо отшлифованная, тускло отсвечивающая густым сапфировым светом.

– Красиво! – сказала Арина, показав старику камень. – Я возьму это!

– Карасиво, – закивал тот. – Отшень карасиво! Один доллар!

Арина порылась в кошельке. Долларовых бумажек у нее не осталось, она дала старику пятерку. Тот спрятал бумажку в карман, но сдачу искать не стал. Впрочем, Арина и не настаивала. Спрятав свою покупку в сумку, она встала и спросила старика:

– Как выйти из Медины? Вэй аут?

Тот поднял ковер, прикрывавший вход в лавку, протянул руку. Арина взглянула в ту сторону и с изумлением увидела в двадцати метрах белые ворота, а за ними – широкие улицы и современные дома европейского города.

Она вышла из лавки и остановилась на пороге, не в силах двигаться дальше. Шум и гвалт Медины, ее запахи, шорох ног по старым каменным плитам, непонятная речь, заунывная музыка, доносящаяся из крошечных кофеен, накрыли ее с головой, как пыльное ватное одеяло.

Проходящий мимо араб окинул ее равнодушным взглядом и вдруг остановился. Сказал что-то на своем языке, протянул руку. Арина собрала все силы и шарахнулась от него в сторону. Хватит с нее на сегодня местных жителей! Она хочет обратно на свой круизный лайнер, там хотя бы чисто и кондиционер работает.

– Прошу вас, мадам! – закричал таксист и выскочил ей навстречу из машины.

«Все жулики, – подумала Арина, – и зачем только я вообще поехала в город?»

Мимо проносились белоснежные дома Туниса – столица звалась так же, как и страна. Обычный южный город, такие же города встречаются на побережье Испании и на Лазурном Берегу, Арина много видела… И только побывав в таинственной Медине, узнаешь, что Тунис совсем не такой, каким кажется с первого взгляда.

Арина вспомнила все свои приключения в этой жуткой Медине, свой ужас, когда поняла, что заблудилась в старом городе и что может опоздать к отплытию лайнера, и ее передернуло. Таксист повернулся к ней и забормотал что-то на своем языке, она только махнула рукой – езжай, мол, не хватало еще в аварию попасть.

Ну и денек сегодня выдался! Хотя что это она? Все как обычно.

Утром она столкнулась в коридоре со стюардом и привычно напомнила ему, что у нее в каюте нет фена. У всех есть, а у нее – нету. Она напоминала об этом уже третий день, и каждый раз стюард что-то буркал в ответ. Судя по фамилии на бейджике, стюард был греком, однако должен же он понимать по-английски! Но

он делал вид, что не понимает. Сегодня же стюард поглядел ей в глаза и разразился длинной и темпераментной фразой на греческом. Арина этого языка, понятное дело, не знала, но разобрала из речи стюарда два слова – «метафора» и «гипербола». По выражению же его лица было ясно, что он Арину просто посылает подальше. Оставалось только пожать плечами и уйти.

У кофейного автомата ее обогнала знакомая пара – оба крупные и важные. Муж так просто толстый, а жена, надо думать, когда-то и вправду была красива. От прошлого осталась торжественная походка и высоко поднятая голова с узлом волос, несколько старообразно уложенным на темечке. Раньше дама была статной, теперь же внушительный бюст плавно переходил в такой же солидный живот, и оттого ноги казались непропорционально тонкими.

– Доброе утро! – сказала Арина им в спину.

Никто не оглянулся. Что ж, все как обычно, ее такие вещи не удивляют. Пока эти двое наливали кофе, она тихонько ждала в сторонке. И все равно, идя обратно с подносом, мужчина задел ее локтем. Не извинился, просто не заметил и прошел мимо. Его жена в который раз поглядела на Арину с легким удивлением, как на воробья, залетевшего на террасу летнего кафе, – откуда, мол, он тут взялся, вроде приличное место…

– Хорошая погода сегодня! – сказала Арина. – Солнце в дымке, на экскурсии не будет слишком жарко…

– Да-да, – рассеянно ответила дама, – конечно…

И тут же забыла о ее существовании, отвернувшись, отчего в ушах качнулись серьги со слишком крупными для утреннего времени камнями.

«Странное дело, – думала Арина, глядя, как в чашку бежит тонкая струйка кофе, – мы в круизе уже три дня, за это время я успела запомнить всю группу. Лица-то мелькают одни и те же. Отчего же эта дама каждый раз смотрит на меня как на незнакомую? И эти серьги, зачем она носит их все время? Хотя если камни все же бриллианты, то ясно, что она боится оставлять их в каюте. Хоть круиз и английский, вся обслуга надежна, все же пассажиров предупреждали, чтобы сдавали драгоценности в сейф. А тогда зачем их вообще с собой брать?»

Она едва успела повернуть кран, чтобы кофе не перелился через край.

Что в этом круизе хорошо, так это кухня. Кормят вкусно, хотя она, Арина, к еде не то чтобы равнодушна, но относится к ней спокойно. Она любит путешествовать, чтобы узнавать новое, чтобы видеть. В этом круизе обещали много остановок в разных городах. Сегодня после завтрака они причаливают в Тунисе.

Арина направилась к свободному столику у окна и уже протянула руки с подносом, но за секунду до того, как поднос коснулся столика, рядом оказался долговязый рыжий англичанин.

– Сорри! – весело заорал он, плюхая свой поднос, так что веером расплескался по столу апельсиновый сок, и тут же замахал руками кому-то в отдалении.

Арина улыбнулась и отошла в сторону, не ругаться же с ним. Английский у нее слабоват. Свободный столик нашелся в самом дальнем углу, и ей пришлось пробираться с подносом через весь зал, ежеминутно опасаясь наступить кому-нибудь на ногу или опрокинуть поднос. К тому же в углу невыносимо дуло от кондиционера.

Допивая остывший кофе, она разглядывала людей в зале. В основном тут были семейные пары либо же компании людей среднего возраста, иногда пары помоложе, но с детьми. Все общество ело, громко разговаривая и смеясь, дети бегали по залу, кто-то визжал, кто-то опрокинул стул. И никому не было до нее дела. Она видела, что в их русской группе в первый же день случались какие-то знакомства, люди, симпатизирующие друг другу, общались, ходили вместе в бар или на ужин в ресторан.

К ней никто не подходил. Собственно, это ее не удивляло. Давно уже перестала она расстраиваться по такому поводу, как невнимание к ней особ мужского пола. Она привыкла и убедила себя, что ей внимание это не особенно и нужно. Тем более здесь, в круизе, где ее окружали в основном семейные пары. Каждая жена ревниво присматривала за своим мужем, зорко следя, чтобы не приближались к нему дамы помоложе и попригляднее. Да Арине такое и в голову не приходило. Впрочем, было видно, что ее они не принимают всерьез, просто не замечают, как давешняя пара.

Были в группе несколько женщин помоложе, но они приехали все вместе, большой компанией, и твердо настроились в круизе повеселиться. Днем они загорали на палубе, шумно плескались в бассейне, вечерами просиживали в ресторане, потом до полуночи играли в казино. Такое времяпрепровождение не для Арины, денег у нее маловато, впрочем, ее и не приглашали.

Она допила кофе и поглядела на часы. Лайнер скоро должен причалить, в порту уже ждут автобусы, их повезут на экскурсию в Карфаген.

Арина вышла из столовой и пошла в каюту. Зеркало в холле показало очень худую нескладную девицу не первой молодости. Волосы висят вокруг лица безжизненной паклей, нос явно длинноват, рост выше среднего, спина сутулая… Вот она, Арина Дроздовская, собственной персоной.

Арина привычно вздохнула. Не красавица, конечно, но и не записной урод. Просто этим людям с лайнера она кажется унылой непроходимой занудой. В тяжелые минуты Арина склоняется к мысли, что так оно и есть.

Но что делать? Проводить отпуск у родителей на даче? С утра вкалывать на шести сотках, потом тащиться по жаре за два километра на озеро купаться, потом слушать после обеда отцовский храп, а вечером ожесточенно бороться с комарами. И это если еще не придут соседи на чай или на домашнее вино. Тогда прощай, спокойный вечер с книгой! Начнутся разговоры про огурцы и про клубнику, русские народные песни под соседский баян – «Вот кто-то с горочки спустился», «Виновата ли я» и все такое прочее. Хорошо, если в конце на политику не свернут, тогда есть шанс, что не разругаются вдрызг и угомонятся к часу ночи.

Нет уж, Арина уже лет шесть не бывала на даче в отпуске, несмотря на обиду родителей.

Наверное, все же было ошибкой ехать в круиз одной. Но что делать, если закадычная подруга Ленка вышла замуж? И ведь молчала как партизан до самой свадьбы! Стала отдаляться – то ей некогда с Ариной встретиться, то мама нездорова, а оказалось вот что. Арина как увидела Ленкиного жениха, так и остолбенела на месте. Маленький, лысый, рот отчего-то на сторону. Голос скрипучий, смех какой-то дребезжащий.

Арина тогда с лицом своим не совладала, а Ленка все заметила. А потом выяснилось, что Ленкин жених еще и дурак к тому же. Весь вечер какие-то сомнительные тосты говорил, анекдоты пошлые рассказывал. Арина до конца свадьбы не досидела, стала домой собираться. Тут Ленка ее и перехватила, пристала как банный лист – чем тебе мой муж не нравится? Видела, как ты на него презрительно смотрела! Да ладно, Арина говорит, потом поговорим, иди к гостям. Нет уж, Ленка руки на груди сложила, раз такое отношение, то я тебе сразу все скажу, потому как потом у нас серьезного разговора не будет. Ты, говорит, сначала своего заведи хотя бы не мужа, а просто сердечного приятеля. И тогда посмотрим, как ты на чужих мужей смотреть станешь! Но это, говорит Ленка, тебе не грозит, всю жизнь будешь одна как перст, никакой самый завалящий мужик на тебя и не взглянет.

Арина тогда прямо обалдела: столько лет они с Ленкой близко дружили, вроде бы никаких гадостей она подруге не делала – и вдруг такие слова незаслуженные. Ну не будешь же на свадьбе ругаться, пожелала Арина Ленке счастья в семейной жизни и пошла домой. С тех пор уже несколько месяцев она вообще ничего про Ленку не знает.

Сзади раздался смешок. Арина очнулась от неприятных мыслей и осознала себя стоящей перед зеркалом. Да уж, ей это в больших количествах не рекомендуется!

В зеркале видно было, что рассмеялись две девицы – тоже, кстати, не первой молодости. Одна – весьма пышная, коротко стриженная блондинка, был при ней мужчина преклонных лет, вот уж про такого точно можно сказать, что он ей в отцы годится – пузатый, обрюзгший, волосы седые. И всегда они по палубе гуляли в обнимку, поначалу кое-кто из дам морщился, только этим двоим было глубоко плевать на косые взгляды и перешептывания за спиной. Иногда престарелый Ромео надоедал своей пышной Джульетте, и она общалась с одной из девиц из той большой и шумной компании. Вот и сейчас они проходили мимо вдвоем: эта, вторая, заметив Арину перед зеркалом, прыснула, а блондинка укоряюще покачала головой – неудобно, мол, услышит еще…

Арина прихватила пару мятных карамелек, что лежали в большой вазе под зеркалом (для тех, кто страдает морской болезнью), и пошла к месту сбора группы.

Сопровождающий не понравился ей еще в аэропорту. Он должен был встретить их группу и отвезти на лайнер. Его долго ждали, дама от турфирмы звонила куда-то и говорила в трубку тихо, отойдя в сторону. По прошествии часа ей надоело выбирать выражения, она пошла пятнами и орала в телефон, не стесняясь.

Наконец явился нагловатый молодой мужик в несвежих белых брюках и расстегнутой рубашке и в ответ на гневный рык дамы из турфирмы не подумал извиниться. Дама быстро сунула ему списки и удалилась едва ли не бегом.

Звали сопровождающего Ермолаем, это имя прочитали на карманчике рубашки, сам он и не подумал представиться.

Люди очень быстро сообразили, что целью сопровождающего было как можно меньше общаться с группой и как можно лучше отдохнуть за неделю круиза. Найти его при нужде было невозможно. Мобильный телефон не отвечал, портье за стойкой картинно пожимал плечами. Пока лайнер находился в море, сопровождающий усиленно прятался от группы русских туристов.

Появлялся он ненадолго перед экскурсиями, сейчас был как раз такой случай. Арина подошла, когда вокруг сопровождающего уже стояли люди. Сегодня он был в клетчатых шортах и оранжевой майке-алкоголичке.

– Экскурсия в Карфаген! – крикнул он зычно. – Читаю списки!

Арина не услышала своей фамилии, перед ней шли Дерябкины – муж и жена, а потом сразу Елкина.

– Простите, – сказала она, – а Дроздовская?

– Да погодите вы! – отмахнулся он. – Дайте список дочитать!

Потом он выслушал замечание от одной старушенции по фамилии Центер, разумеется, он прочитал фамилию как Центнер. Потом провел краткий инструктаж, который сводился к тому, чтобы туристы не разевали рты, любуясь на развалины Карфагена, а берегли кошельки и фотоаппараты. Местным нельзя верить ни в чем, даже если спросить, который час, – и то наврут. Особенно

таксисты.

– Все поняли? – гаркнул он и ощерил в улыбке желтые зубы. – Тогда вперед!

– Ермолай! – Арина давно уже стояла рядом. – Ермолай, так как же со мной?

– Вы кто? – Он глянул непонимающе.

– Дроздовская, меня нет в списках…

– А я при чем? – Он пожал плечами. – Нет, значит, и не было!

– Но я оплатила экскурсию еще при покупке путевки! – возмутилась Арина. – Инна Михайловна сказала, что все в порядке.

– Не знаю такую. – Он отвернулся.

– Это сотрудница фирмы в Санкт-Петербурге, – Арина сделала усилие, чтобы голос звучал тверже.

– Вот с нее и спрашивайте! – нагло сказал Ермолай. – Автобус не резиновый, мест определенное количество, вас нет в списке, вот! – Он потряс перед ней листками бумаги.

– Это вы вчера, когда записывали на экскурсию, не проверили списки! – крикнула она.

– А ты докажи! – сказал он, наклонившись ближе.

К тому времени вся группа уже ушла, они остались вдвоем. Совсем близко было его лицо с маленькими наглыми глазками, Арине захотелось залепить ему пощечину или хотя бы расцарапать небритые щеки.

– Не смейте говорить мне «ты»! – прошипела она, потому что голос ей не повиновался. – Я с вами водку не пила!

– Чего-о? – прищурился он. – Да нужна ты мне, водку еще с ней пить! Ты на себя в зеркало хоть глядела?

– Я буду жаловаться, – сказала она не своим, а каким-то блеющим голосом. – На вашу некомпетентность и на ваше вопиющее хамство!

– Это – пожалуйста! – ухмыльнулся Ермолай. – Жалуйся куда угодно! Хоть в Комитет по туризму, хоть президенту, хоть в ООН, хоть самому Господу Богу! Флаг в руки, барабан на шею, пропеллер в…

Тут рядом возникла давешняя важная и надутая пара.

– Ермолай… – протянула жена, как всегда не заметив Арину.

Чего они хотели, Арина слушать не стала, она развернулась и пошла прочь, стараясь проглотить комок в горле.

«Скотина какая этот Ермолай, – думала она, – знает, что я ничего не могу ему сделать!»

Положим, деньги за экскурсию ей в Санкт-Петербурге вернут, Инна Михайловна еще и извиняться станет, но сейчас-то что делать? Ей так хотелось увидеть Карфаген…

Арина подошла к стойке с рекламными проспектами и попросила дать ей проспект о Тунисе на русском. Молодой человек дежурно-вежливо развел руками.

– Инглиш? – не отставала она.

Он кивнул и сунул ей тоненькую голубую брошюрку. И тут же отвернулся, чтобы заговорить с двумя английскими старушками. Арина поняла, что это надолго, и пошла к выходу. И только на набережной развернула буклет и вместо английских слов увидела иероглифы. Этот паразит за стойкой дал ей японский проспект!

– Мадам! – в ее мысли ворвался скрипучий голос таксиста. – Мы приехали!

И тут Арина вспомнила, что так и не сказала ему, куда ехать. Так в какую же дыру ее завезли на этот раз?

Она высунула голову из такси и огляделась. Нет, вот он стоит, белоснежный красавец лайнер, водитель подвез ее к самому трапу. Это хорошо, не придется тащиться пешком по залитому обжигающим солнцем пирсу. Водитель выскочил из машины и открыл дверцу. Она сделала вид, что не заметила его поданной руки, и вылезла сама. К ногам будто привязали пудовые гири, Арина мечтала только об одном – добраться до каюты и рухнуть в постель, даже на обед она сегодня не пойдет. Она открыла кошелек и увидела, что кончились мелкие долларовые купюры, ну да, последнюю пятерку отдала тому старику из лавочки за синюю стекляшку. Остались последние пятьдесят долларов. А таксисту нужно двадцать. Ну вот, сейчас он скажет, что нет сдачи, тут в порту никто не разменяет из вредности…

«Черт с ним, – подумала Арина, – пускай подавится».

Она сунула таксисту деньги и пошла прочь.

– Мадам! – Его крик настиг ее уже на лестнице. – Ваша сдача!

Если бы Арина не была так утомлена сегодняшним странным и бестолковым днем, она заметила бы, как удивились окружающие.

Матрос с лайнера свесился с лестницы, мелкий торговец у трапа вытаращил глаза, носильщик остановил свою тележку.

– Спасибо, – выдавила из себя Арина.

Таксист коснулся ее руки и заговорил на своем языке горячо и экспансивно. При этом он страшно вращал глазами и облизывал губы. Арине стало смешно. Она развернулась и побежала вверх по лестнице, откуда только силы взялись.

* * *

Солнце коснулось моря, и мир окрасился в багровые закатные цвета, как будто облачился в драгоценные пурпурные ткани, изготовленные умелыми мастерами Тира или Сидона. Пурпурные и багряные отблески затопили дворец царицы на мысе Лохиас, и дворец засверкал, точно бесценный рубин. Багрянец облил колоннады знаменитого Мусейона, величественное здание святилища Сераписа, беломраморный Фаросский маяк, признанный одним из чудес света, позолоченный купол мавзолея, где покоился прах великого Александра, покорителя мира, непобедимого полководца, чьим именем назван этот город, прекрасная и богатая Александрия…

Солнце погрузилось в воды бухты, и багровые отсветы погасли, как гаснет факел, погруженный в воду нубийским рабом. Тьма захватила город быстро и беспощадно, как конные отряды западных варваров. Тьма покрыла черным плащом тысячи кораблей в александрийской гавани, тьма покрыла лабиринт улиц, улочек и переулков, площадей и рынков Александрии.

Но в этой тьме вспыхнул яркий свет на знаменитом маяке, и еще ярче озарился дворец царицы.

Тысячи факелов освещали дворец снаружи, тысячи светильников разгоняли мрак в его бесчисленных покоях. Тысячи слуг сновали по его коридорам и переходам, несли золотые блюда с кушаньями и кувшины с драгоценными винами, доставленными в Александрию с Кипра и Родоса, из Испании и Иллирии.

В огромном покое пировала царица Египта в окружении придворных и приближенных. Юная царица возлежала на золотом ложе, усыпанном розовыми лепестками, она была облачена в полупрозрачную столу из тонкого белоснежного виссона, обрисовывающую ее фигуру. Лицо Клеопатры казалось решительным и благородным, но вовсе не блистало красотой: подбородок выступал вперед, нос, унаследованный у предков из славного рода Птолемеев, был слишком длинен. Тем не менее у ног царицы расположились военачальники и жрецы, правители провинций и знатные египтяне. Все они соперничали друг с другом за внимание царицы, за влияние на ее сердце, на ее душу.

Стены зала были покрыты драгоценными сидонскими тканями, расшитыми золотом. Воздух был напоен ароматом тысяч свежих роз и волнующим запахом восточных курений, тлеющих в золотых жаровнях. Многочисленные слуги разносили среди пирующих изысканные кушанья на золоченых блюдах.

В центре покоя появились эфиопские танцовщицы. В бешеной пляске они неслись по залу, то гибкие, податливые и соблазнительные, то хищные и опасные, как пантеры.

Начальник дворцовой стражи Деллий поправил венок на своих темных кудрях и несколько раз лениво хлопнул в ладоши, показав, что ему нравится этот дикий и волнующий танец. Следом за ним и другие сановники показали свое одобрение – Деллий был влиятелен при дворе, и то, что нравилось ему, нравилось остальным царедворцам.

Однако юная царица Клеопатра не смотрела на танцовщиц. Ее чело было омрачено заботой.

Минувшей ночью одна из преданных ей служанок донесла, что младший брат царицы Птолемей, по закону египетских владык ставший ее мужем, замышляет кровавый переворот. Он хочет расправиться с ней, своей сестрой и соправительницей, и взять всю власть в стране в свои тонкие изнеженные руки. Конечно, молокосос не сам задумал это – наверняка ему внушили эту мысль его приближенные, могущественный евнух Асменис и тот же Деллий, который сейчас возлежит на ее пиру, изображая верность и преданность. Кто еще из ее придворных, кто из тех, кто смотрит на нее с преданностью и обожанием, участвует в заговоре? Кто из них вынашивает в душе черные замыслы? И самое главное – как предотвратить переворот? На кого можно опереться?

Клеопатра поднялась со своего ложа, сделала знак верной Ириде и направилась к выходу. Придворные забеспокоились, но царица улыбнулась милостиво и проговорила своим голосом, нежным и мелодичным, как цитра:

– Веселитесь, друзья мои! Я скоро вернусь…

Выйдя из пиршественного зала, царица направилась в личные покои. Там ждали ее несколько преданных слуг, с которыми Клеопатра хотела обсудить свое положение. Служанка Ирида спешила за ней, настороженно вглядываясь в темные коридоры дворца. На каждом шагу безмолвно возвышались воины дворцовой стражи, могучие нубийцы. Любой из них мог оказаться предателем, любой мог обнажить меч против своей царицы…

Клеопатра свернула к своей опочивальне, и вдруг из темной ниши выскользнул высокий худой мужчина с наголо обритой головой, в простом полотняном одеянии храмового прислужника.

– Царица, выслушай меня! – воскликнул он по-гречески, но с сильным египетским акцентом.

Двое нубийских стражников метнулись к нему, обнажив короткие мечи, но Клеопатра остановила их властным жестом и велела удалиться. Затем милостиво кивнула бритоголовому:

– Говори!

– Я служитель Некрополя, Города Мертвых, – смиренно произнес тот, опустив глаза. – И я могу открыть царице великую тайну, которую веками хранили мои братья.

– Что за тайна? – сухо осведомилась юная царица.

Клеопатра боялась жрецов Некрополя, служителей смерти, но в то же время знала, что им ведомы древние тайны фараонов, тайны, скрытые в глубине гробниц.

– Это великое сокровище, священное ожерелье, принадлежавшее женщинам-фараонам. Ожерелье, дававшее им безграничную власть над мужчинами.

Клеопатра слышала о женщинах, властвовавших в Египте больше тысячи лет назад, – о женщинах-фараонах Мернейт, Нитокрис, Нефросебек и о самой могущественной и знаменитой из них, царице Хатшепсут, объединившей Египет после нашествия западных варваров. Ее всегда волновала тайна, дававшая этим женщинам власть над полководцами и жрецами. Вообще Клеопатра стремилась проникнуть в древние тайны Египта, власть над которым досталась ей от предков, греческих полководцев, верно служивших Александру Великому. Она щедро жертвовала деньги и драгоценности храмам древних богов и сама иногда на храмовых шествиях изображала богиню Изиду, но египтяне по-прежнему считали ее чужеземкой, гречанкой, только силой оружия оказавшейся на престоле.

– Почему ты решил раскрыть мне эту тайну? – спросила царица недоверчиво.

– Потому что звезды открыли мне, что ты, Клеопатра, станешь последней женщиной-фараоном, станешь последней славой Черной Земли Кемет! Другие служители Некрополя не хотели открывать тебе эту тайну, поскольку ты – чужеземка, гречанка, но для меня то, что начертано звездами, – священный закон, я не сомневаюсь, что звезды сообщают мне волю богов…

– Продолжай! – приказала царица.

– Я провожу тебя, царица, в Город Мертвых и укажу место, где покоится сокровище Хатшепсут.

– Город Мертвых – опасное место! – взволнованно проговорила Ирида. – Не ходи туда, госпожа! Пусть этот человек сам принесет тебе ожерелье, если уж он так его расхваливает!

– Прости, царица, но это невозможно! – ответил жрец, не поднимая глаз. – Священное ожерелье может взять в свои руки только тот, кому оно предназначено богами. Если я возьму его – оно поразит меня лютой смертью, а возможно, утратит свое могущество или вообще обратится в прах, в пыль и песок. Я укажу тебе, где оно хранится, но взять его ты должна сама.

– Не верь ему, госпожа! – воскликнула Ирида. – Не слушай его! Его наняли твои враги, чтобы привести тебя к гибели! Прикажи пытать его, чтобы он назвал имена тех, кто его подослал!

– Твоя служанка ошибается, – промолвил жрец, подняв глаза на царицу. – Я верен тебе, госпожа. Я пришел к тебе сегодня, потому что звезды открыли мне: ты в большой опасности и только священное ожерелье спасет тебя от заговорщиков!

– Я умею отличать правду от лжи, – произнесла царица, гордо вскинув голову. – Я окружена предателями и не могу отталкивать руку друга, который предлагает мне помощь. Отведи меня в Некрополь. Когда нам следует выступить?

– Немедленно! – ответил жрец.

* * *

Алена вошла в приемную. Секретарша Филиппова подняла на нее глаза, взглянула с неподражаемым высокомерием и спросила, оттопырив нижнюю губу:

– Вы записаны? Сергей Сергеевич не принимает без предварительной записи!

– Я звонила, – проговорила Алена, с трудом сдержав раздражение. – Моя фамилия Стогова. Сергей Сергеевич обещал меня принять.

– Как Стогова? – переспросила девица. – Почему Стогова? Я Стогову знаю…

Тут в глазах у нее мелькнуло какое-то подобие мысли, она сняла трубку переговорного устройства и проворковала:

– Сергей Сергеевич, к вам Стогова! Нет, не Марианна Юрьевна, а та, другая… она говорит, что звонила вам… примете?

Она выслушала короткий ответ, положила трубку и милостиво разрешила войти.

Филиппов сидел за массивным столом, в рубашке с закатанными рукавами. Пиджак висел на спинке стула, он и не подумал его надеть ради нее. С какой стати, спрашивается? Кто она такая? Лицо его было красное, потное, недовольное.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич! – проговорила Алена, пересекая кабинет.

– Не надо меня уговаривать! – пробасил он вместо приветствия и вытер лицо клетчатым платком.

– Что? – удивленно переспросила Алена. – Я вас не уговариваю, я с вами здороваюсь!

– Я знаю, зачем вы пришли! Вы хотите продлить срок займа. Но об этом не может быть и речи! Срок заканчивается на этой неделе, и если вы не перечислите мне

всю сумму в оставшиеся дни, вступит в силу пункт четыре-два…

– Но Сергей Сергеевич! – Алена повысила голос. – В конце месяца нам должна поступить значительная сумма от заказчиков, и мы с вами полностью рассчитаемся! Ведь наша фирма – давний клиент вашего банка, вы много лет работали с моим отцом и всегда находили с ним общий язык. Почему же сейчас…

– Ну вот, я же сказал – не надо меня уговаривать! – прервал ее Филиппов с тем выражением, с каким взрослый разговаривает с капризным ребенком. – А вы все равно меня уговариваете! Ваш отец – это одно, а вы – совсем другое! В нем я был уверен, а вас совершенно не знаю! Вы только месяц как приехали из…

– Какая разница, откуда я приехала? – удивилась Алена.

– У вас нет опыта ведения серьезных дел! – гремел Филиппов, не слушая ее возражений. – И вообще, кто вас уполномочил вести со мной переговоры? Марианна Юрьевна в курсе ваших действий?

– При чем здесь Марианна Юрьевна? – На этот раз Алена с трудом сдержала раздражение. – Марианна Юрьевна не имеет в данном вопросе права голоса! Отец завещал фирму нам с братом…

– Меня не интересуют ваши семейные отношения! – Филиппов бросил на стол карандаш и взглянул на нее исподлобья. – Еще раз повторяю – не надо меня уговаривать! Я принял решение! Все!

И он углубился в какие-то бумаги, ясно дав понять, что аудиенция закончена.

Алена вылетела из кабинета красная как рак.

Ей как девчонке указали на место, дали понять, что, несмотря на завещание отца, никто не принимает ее всерьез, деловые партнеры отца считают ее бестолковой провинциальной тетехой.

Но самое главное – Филиппов даже не стал разговаривать с ней о продлении займа, а без этого фирма может просто лопнуть…

И еще… он упомянул мачеху, спросил, в курсе ли та.

Может быть, в этом все дело? Может быть, это Марианна уговорила Филиппова отказать Алене, чтобы той пришлось пойти к ней на поклон? Чтобы еще раз показать, кто в фирме настоящий хозяин? Но зачем она это сделала? Неужели она не понимает, что фирме грозит разорение? Или она так ненавидит ее, Алену, что готова на все, лишь бы Алена бросила все и ушла?

Алена вышла из здания банка и огляделась.

Ее машины не было на прежнем месте. Что за черт, ведь она велела шоферу никуда не уезжать, ждать ее здесь, а теперь приходится торчать перед банком с дурацким видом… Наверняка эта маленькая садистка, секретарша Филиппова, видит ее из окна…

Алена шагнула к краю тротуара, собираясь остановить такси, и тут из переулка вырулил ее «мерседес». Машина подкатила к ней, шофер открыл дверь, проворчал недовольно:

– Как вы быстро! А я на заправку ездил…

Кажется, даже собственный шофер выговаривает Алене, ставит ее на место! Ну еще бы, водители ведь всегда раньше всех узнают, в какую сторону ветер дует!

Алена села на заднее сиденье. Краем глаза она увидела на переднем сиденье пакет из супермаркета. Ни на какую заправку он не ездил, наверняка жена велела сделать покупки. Сил на ссору с водителем у нее не было, она проговорила усталым голосом:

– Домой!

Ехать в офис не хотелось: снова чувствовать на себе неприязненные взгляды, слушать перешептывания за спиной… Марианна даст понять, что не сомневалась в неудачном исходе переговоров с Филипповым да и вообще никогда не верила в ее деловые способности…

– На Бронницкую? – переспросил водитель выразительно, дав ей понять, что и живет-то она в неподобающем месте, в районе, где не пристало селиться обеспеченным людям!

Она сняла эту квартиру, потому что оттуда близко к офису фирмы, да и сама квартира ей понравилась. И вообще ей почти все равно, где жить, пока не разберется с отцовским завещанием, а тогда уж она поселится в приличной квартире…

Да что же это такое! Она уже оправдывается перед шофером, пусть только мысленно! Ну что за день такой сегодня!

Да и не только сегодня. Вся эта свистопляска началась чуть больше месяца назад, когда знакомая почтальонша тетя Катя остановила ее утром и сообщила, что на имя Алены Дмитриевны Стоговой пришло заказное письмо из Санкт-Петербурга и что она, тетя Катя, за просто так бегать с письмами не нанималась, потому что Алены вечно дома нету, а в ящик письмо бросить нельзя, не положено.

Алена недоуменно пожала плечами – не ждала она ни от кого вестей, однако зашла на почту. И окаменела на месте, распечатав письмо прямо там, возле стойки.

Письмо было от адвоката. Сухим канцелярским языком ей сообщали, что по завещанию ее отца, Стогова Дмитрия Анатольевича, она наследует половину его фирмы и что ей нужно обязательно прибыть в Санкт-Петербург по такому-то адресу не позднее такого-то числа, чтобы вступить в права наследства.

Алена внимательно перечитала письмо. Буквы как живые прыгали перед глазами. Первое, что она уяснила себе из письма, – то, что отец умер больше месяца назад, а ей даже не сообщили о его смерти. Они не поддерживали связь долгое время, но все же… Алена почувствовала, как тяжело заныло сердце.

Отца своего она помнила плохо. Сам он был родом из их же города Заволжска, они с матерью поженились очень рано, в двадцать лет. Из-за тебя, говорила ей мама, если бы не ты, я бы, может, замуж за него и не пошла…

Детство свое Алена проводила в основном в деревне под Заволжском, у бабушки. Там было родни полдеревни, с бабушкой жили два ее сына с невестками, их дети. В этой большой семье нашлось место и маленькой Алене, ее не обижали, кормили, обстирывали и воспитывали от случая к случаю, кто когда вспомнит. То один дядька после зарплаты одарит всех конфетами и игрушками, то другой, рассадив своих сыновей для стрижки, заодно обкорнает и маленькую Алену. За что, надо сказать, племянница затаила на него обиду на всю жизнь. То бабушка свяжет носочки, то тетя Нина, раскроив себе платье, сошьет из остатков племяннице яркую кофточку.

Мама Алены приезжала в деревню редко и всегда одна, отцу было некогда, он учился. Бабушка поругивала зятя частенько – зарабатывает мало, вечерами корпит над книжками, кому от этого польза? Уж точно не семье. Мать только вздыхала, она работала на макаронной фабрике сменами, жили они в деревянном доме на окраине города, о том, чтобы взять ребенка к себе, и речи не было.

Потом подошло время идти Алене в школу, отец к тому времени выучился на инженера и устроился на завод. Денег в семье, по бабушкиным словам, прибавилось мало, зато дали квартиру в новом пятиэтажном доме со всеми удобствами. Алену забрали в город и отдали в школу, где она прочно осела на продленке. Мать по-прежнему работала сменами, отец пропадал где-то целыми вечерами, Алену поила чаем соседка, исключительно по доброте душевной.

Алена помнит, что, когда родители были вместе, они все время ругались. Мать вечно упрекала отца, что мало зарабатывает, что где-то все время пропадает вечерами, отец срывался и орал, что все ему тут осточертело.

Много позже, разглядывая их свадебную фотографию, Алена заметила, какие ее родители разные люди. Казалось бы, им на снимке по двадцать лет, а сразу видно, что люди не подходят друг другу. У отца вид на фото недовольный, не хотел он жениться, это и мать говорила. Сама она выглядит испуганной и растерянной – тоже не готова к семейной жизни, и беременность наступила слишком рано.

Когда Алене было десять лет, отец получил в наследство дом своей умершей тетки. Дом был большой, просторный, рубленный из хороших бревен. Место отличное, лес, река близко. Алена помнит, как приехали они туда ранней весной, когда пробивались на свет первые весенние цветы. Мама была оживленная,

глаза ее сияли. Она ходила по саду и говорила, как славно они станут тут жить летом.

Радовалась мать недолго. Отец продал дом одному типу с деньгами, как тогда говорили, – кооператору, и уехал из Заволжска навсегда. То есть он тогда говорил, что ему тесно в их городе, что ему нужен простор, возможности, что он чувствует в себе силы на нечто большее, чем просидеть всю жизнь инженером на заштатном маленьком заводике. И что теткин дом – это его единственный шанс, потому что ехать в большой город без денег глупо, а так хоть на первое время хватит устроиться. А как только все у него там наладится, он напишет и жена с дочкой к нему приедут.

Мать была непреклонна. Она кричала, что против продажи дома, что отца она никуда не отпускает, хотя даже Алене было ясно, что он уже все решил и твердо собрался уезжать. Мать, однако, ничего слушать не хотела, она поставила условие: если отец сейчас уедет, то она, мать, завтра же подаст на развод.

Как хочешь, сказал отец и уехал с одним маленьким чемоданом, не простившись с Аленой.

После его ухода мать перебила всю посуду, что в то неустроенное время было если не полной катастрофой, то большим бедствием. Долго еще они пили потом чай из эмалированных кружек, в магазине купить ничего было нельзя.

После отъезда отца мать, по выражению все той же сердобольной соседки тети Глаши, что по доброте брала Алену к себе вечерами, сильно запсиховала. Она стала раздражительной, на работе поругалась с начальством, а дома все время цеплялась к Алене. Любой пустяк мог вывести ее из себя.

Бросила Алена, войдя в дом с мороза, шапку и варежки в прихожей на пол – мать орет, что она лентяйка и неряха, вся в отца, принесла в дневнике замечание – ясное дело, отцовское отродье, она, мать, всегда в школе вела себя хорошо и училась на отлично.

Последнее было совершеннейшим враньем, потому что Алена нашла как-то в коробке из-под конфет «Руслан и Людмила» материн аттестат об окончании школы, в нем были одни тройки. Да и так было ясно, что умом особым мать не блещет, в противном случае устроилась бы она в жизни получше, чем сменная

работа на макаронной фабрике. О чем дочка и не преминула сообщить маме при очередной ссоре.

«Уж больно ты умная», – ответила мать и ударила Алену по щеке, снова добавив что-то про отцовское отродье.

Соседка тетя Глаша не раз говорила, что Алена вылитый отец и что это хорошая примета – если дочь на отца похожа, значит, счастливая будет.

Пока что счастья особенного не наблюдалось. Подошло лето, и мать отправила Алену в деревню. Там тоже у родни было не все гладко. Один дядька стал сильно пить. Второй, также по пьяному делу, выехал зимой на тракторе на покрытую льдом реку да и провалился в полынью. Едва не утонул, спасибо, мужики заметили, вытащили. Дядька сильно простудился в ледяной воде, долго болел и перешел на инвалидность. Двоюродные братья выросли, тайно от бабушки покуривали и выпивали по темным углам и выражались исключительно матом. Бабушка постарела и все чаще надолго задумывалась, грустно качая головой.

Осенью мать хотела Алену оставить в деревне на зиму, потому что с макаронной фабрики ее уволили за скандальный характер и жить стало не на что. Нет уж, сказали тетки, колхоз развалился, живем, считай что, с огорода, нам лишний рот не нужен. Алена была только рада такому повороту событий.

Мать устроилась уборщицей в коммерческий магазин, открывшийся едва ли не первым у них в городе. Макаронную фабрику вскоре закрыли – не из чего стало делать макароны, и теперь у них в квартире часто собирались бывшие сослуживицы матери.

Они сидели за столом в захламленной кухне, выпивали – немного, для настроения – и пели визгливыми голосами песни «Вот кто-то с горочки спустился», «Виновата ли я» и совсем уже под закрытие вечера «Ах, зачем эта ночь так была хороша!».

В этом месте мать начинала плакать и ругать отца последними словами. Вообще эта тема – о том, каким муж оказался подлецом, как соблазнил ее юной девушкой, сделал ей ребенка, да еще и жениться-то не хотел, с трудом его заставили, а потом сидел на ее шее, учился, пока она горбатилась на фабрике в

три смены, а как выучила она его на свою голову, так он ее и бросил с ребенком, – эта тема стала главной в ее жизни.

Мать ругала отца неустанно, утром и вечером, на работе и дома перед телевизором, жаловалась на него родным и знакомым и просто посторонним людям в очереди или в трамвае. Такой ненависти способствовал тот факт, что денег от отца за все эти годы не пришло ни копейки. Вообще никаких известий не было, уехал человек – и пропал. Мать официально подала на алименты, но судья сразу сказал, что дело это дохлое, не найдут человека, если он сам не объявится. Теперь, дескать, не прошлое время, муж ее, может, где-то работает без оформления, как его найдешь…

Так и оказалось, и мать озверела окончательно. Ее зарплаты уборщицы на жизнь не хватало, Алена ходила в чужих обносках, что перешивала все та же соседка тетя Глаша, и однажды не выдержала и закричала матери, потеряв терпение, что не отец их бросил, а мать сама его выгнала, поставив дурацкие условия и пригрозив разводом. Мать в это время мыла мясорубку, и эту самую мясорубку тут же метнула в дочь. Алена успела отклониться, мясорубка попала в окно, посыпались веером стекла, и одно большое сильно порезало Алене вену на руке. Увидев, как хлещет кровь, мать дико заорала, и соседка тетя Глаша заколотила в дверь. Мать стояла столбом и визжала, Алена сама, преодолевая слабость, перетянула руку тонким кожаным ремешком, как учил на уроке физрук, по совместительству читавший у них курс гражданской обороны. Она же открыла дверь соседке и только после этого упала в обморок.

После того как Алену выписали из больницы, мать притихла, возможно, этому способствовало посещение участкового милиционера, вызванного соседкой. Отца мать ругала, но без прежнего пафоса, к дочери больше не цеплялась. Алене шел пятнадцатый год, она сильно выросла и похорошела.

«Не в меня…» – вздыхала мать.

«И слава богу!» – не выдержала как-то тетя Глаша.

Мать и раньше-то, в молодости, была не слишком хороша – щеки пухлые, глаза небольшие, нос пуговкой, с возрастом же она расплылась, тело стало дряблым, щеки и вовсе лезли на глаза.

Алена теперь и сама видела, что она очень похожа на отца. Его тонкие брови, твердо очерченные скулы, упрямый рот. И характер такой же упрямый, утверждала мать. После инцидента с мясорубкой Алена с ней не спорила, они вообще мало разговаривали.

После девятого класса мать сказала ей твердо: хватит с меня твоей школы, ничему путному ты там не выучишься, больно здоровая на моей шее сидеть.

Это была заведомая неправда, поскольку Алена каждое лето не отдыхала, а работала то на почте, то помогала матери в магазине, то мыла посуду в летнем кафе, только там надо было прятаться от милиции.

Училищ в городе было два: педагогическое и медицинское. Алена выбрала педагогическое, учителем младших классов она становиться не собиралась, но там готовили еще секретарей-референтов, вдалбливали в головы хорошеньких девушек основы компьютерной грамотности и делопроизводства.

Алена окончила училище на отлично, устроилась секретарем в небольшую коммерческую фирмочку, каких пооткрывалось в их городе множество, так началась ее самостоятельная жизнь. Хотя на самом деле она началась уже давно, когда отец сказал матери: «Живи как хочешь!» – и ушел из дома, не простившись с десятилетней дочерью.

– Приехали! – ворвался в ее мысли недовольный голос водителя. – Бронницкая!

Вот как, едва ли не полжизни прошло у нее перед глазами всего минут за двадцать.

– Завтра приезжай вовремя, – сказала она, выйдя из машины, – не опаздывай, как сегодня. Пробки не пробки – меньше спать нужно.

Водитель отвернулся и хмыкнул – недолго, мол, матушка, тебе командовать осталось, Марианна Юрьевна тебя съест и не подавится.

«Он прав, – горько подумала Алена, – водители всегда все знают, как и секретарши…»

Квартира была заново отремонтирована и потому какая-то безликая. Дом старый, дореволюционной постройки, жили в нем люди больше ста лет, а потом пришли новые хозяева, сломали стены, натянули потолки и покрыли все поверхности одинаковой плиткой. Ни картинки на стенах, ни отметки на косяке, ничто не напоминает о прежних жильцах. Да и ладно, Алена тоже здесь ненадолго.

Если все пойдет хорошо, она купит себе квартиру и обставит ее по своему вкусу. Это надо будет делать не спеша, у нее никогда не было собственного жилья, так что надо подойти к вопросу серьезно. А если все пойдет плохо, если отцовская фирма лопнет – что ж, тогда, конечно, ей придется несладко. Но домой, в Заволжск, она все равно не вернется.

Есть не хотелось. Алена сварила себе кофе, разогрела в микроволновке ореховый круассан и села за стол на кухне, как вдруг в дверь квартиры позвонили.

Алена недовольно поморщилась, запахнула на груди халат и потащилась к двери.

Кто бы это мог быть? В доме у них домофон, значит, если звонят прямо в дверь – это кто-нибудь из соседей… Она ни с кем не знакома.

На всякий случай Алена выглянула в глазок и увидела круглую мужскую физиономию с выпученными глазами. Не сразу она поняла, что так искажает лицо линза глазка, и только после этого до нее дошло, кто стоит под дверью…

– Только не это! – простонала она тоскливо.

– Открой, Алечка! – подал голос Матвей.

Алена прислонилась к стене, потому что ноги внезапно стали ватными и перестали ее держать.

Ей казалось, что она уже закрыла эту страницу своей жизни, что бывший муж остался в Заволжске, в ее прошлом, и вдруг он объявился под дверью ее квартиры…

– Открой, Алечка! – повторил он и вдруг заколотил в дверь кулаками. – Открывай, зараза! Я знаю, что ты дома!

Только не хватало ей скандала на лестничной площадке, под носом у новых соседей! Знают, что она приезжая, мигом вызовут милицию…

Алена повернула головку замка, открыла дверь, отступила в сторону и проговорила сквозь зубы:

– Заходи!

Матвей ввалился в квартиру во всей красе – толстый, небритый, в мятых штанах и вытертом на локтях свитере. Кажется, в довершение ко всему от него еще попахивало спиртным, Алена не стала принюхиваться, ей и так было противно.

– Ну, здравствуй, жена! – проговорил он, остановившись на пороге и украдкой оглядывая квартиру. – Хорошо устроилась!

В руке у него был допотопный клетчатый чемодан. Это говорило о серьезности его намерений. Под мышкой он сжимал мятую коробку конфет «Гвоздика». Алена с детства их не выносила.

– Матвей, что тебе нужно? – Алена стояла перед бывшим мужем, загораживая проход, давая ему понять, что не собирается впускать его в свою квартиру и в свою жизнь.

– Как это что нужно? – На лице Матвея проступило хорошо знакомое Алене выражение детской обиды, которое так легко перерастало во вполне взрослую злобу. – Как что нужно? Ты ведь моя жена! Моя, так сказать, законная супруга!

– Бывшая, – поправила она.

– Как это бывшая?! – воскликнул он с пафосом. – Мы ведь с тобой не разведены! С точки зрения закона, в глазах общества мы – муж и жена, ячейка этого самого общества…

– Матвей, не начинай все сначала… мы с тобой, кажется, обо всем давно договорились… – пробормотала Алена, чувствуя, как в затылке начинается знакомая мучительная пульсирующая боль. Боль, которую в последние годы их совместной жизни вызывал у нее один только голос Матвея.

– Мы с тобой не разведены! – повторил он еще громче, каждым словом, казалось, вколачивая гвозди в ее затылок. – У нас с тобой законный брак! У нас с тобой все общее!

– Ах, вот как! – Алене стало смешно, и от этого головная боль неожиданно прошла. Она поняла причину этого неожиданного визита: Матвей разнюхал, что она получила отцовское наследство, и решил урвать кусок от чужого пирога. Скорее всего, его надоумила мамаша, ее бывшая свекровь. А узнал он известно откуда – от ее матери. Ох и длинный язык у ее мамаши! Просила ведь Алена помалкивать, да как же, сумеет она сдержаться, язык всегда впереди головы бежал…

– Да, вот так! – Матвей двинулся вперед, выставив подбородок, как будто собрался драться с ней. – Мы с тобой – муж и жена, значит, все мое – твое, а все твое – мое…

– Твое?! – Алена усмехнулась. – Неужели у тебя появилась вторая пара домашних тапочек? Насколько я помню, больше ничего своего у тебя не было!

– Не вижу ничего смешного! По закону я твой муж, а значит, имею полное право…

– На эту тему ты можешь поговорить с моим адвокатом! – ответила она холодно, не двигаясь с места.

– С адвокатом? Ха-ха! – Матвей делано, ненатурально рассмеялся, но Алена заметила в его глазах беспокойство. Адвокатов он побаивался, потому что толком ничего о них не знал, а всего незнакомого боялся.

– Сколько у тебя тут комнат? – спросил он, неожиданно меняя тему. – Три? Четыре?

– Только две.

Алена решила пока не уточнять, что квартира эта – съемная, она слишком хорошо изучила своего бывшего мужа и поняла, что чем меньше давать ему информации, тем лучше.

– Что так скромно? – удивился Матвей. – Ты же теперь богатая женщина! Ну, ничего, мы с тобой и в более тесной квартире жили… ничего, в тесноте да не в обиде! А потом ты мне купишь другую квартиру, а эту можешь оставить себе… – И он сделал еще шаг вперед.

– Не думаешь ли ты, что я пущу тебя жить в эту квартиру? – возмутилась Алена.

Вот так всегда – он поражал ее своей фантастической наглостью, никакой выдержки с этим типом не хватит!

– Само собой! – Он поставил чемодан и огляделся уже по-хозяйски. – Где тут у тебя ванная? Я душ хочу с дороги принять. А ты пока приготовь что-нибудь поесть. Я ведь прямо с поезда, голодный… это, кстати, тебе! – Он протянул ей коробку «Гвоздики». – Это я в хорошем ларьке купил, где меня знают. Так что конфеты свежие, не сомневайся!

Его дремучее нахальство всегда обезоруживало Алену. Но сейчас она просто не могла уступить. Если она уступит, если пустит этого козла в огород… то есть в свою квартиру, потом его уже никакими силами отсюда не выживешь! Он будет ныть, канючить, требовать еды и ласки, и отвязаться от него можно будет только деньгами. Раньше и то так бывало. А уж теперь, когда он думает, что Алена разбогатела, он станет доить ее бесконечно.

Этого нельзя допустить! И тут ей пришла в голову блестящая идея.

Увернувшись от конфет, Алена отступила в сторону и проговорила вкрадчивым голосом:

– Ты хочешь принять душ? Очень хорошо! Он как раз сломался, течет не оттуда, где надо. Почини его, дорогой, и мойся спокойно!

– Что?! – Матвей остановился, на его лице возникло выражение тоскливого страха. Делать что-нибудь руками он не умел, и любая домашняя работа вызывала у него панику. – Что?! Душ сломался? И прямо к моему приезду? Но ты же теперь богатая женщина, неужели ты не можешь кого-нибудь вызвать?

– Матюша, – чувствуя близкую победу, она даже назвала его уменьшительным именем, – Матюша, ты думаешь, так легко найти сантехника? Тем более вечером? Но ведь ты здесь, а ты – мужчина, ты справишься… Потом, когда помоешься, посмотри плиту. С ней тоже что-то случилось, горелка не работает… Я не могу ничего приготовить, да, откровенно говоря, в доме и нет ничего. Я не ждала гостей, так что можем только чаю попить с твоими конфетами.

– Как так можно жить?! – возмущенно проговорил Матвей и попятился. – К тебе приехал муж, а у тебя дом в полном беспорядке! Это настоящее безобразие!

– Но ты же не предупредил меня о своем приезде! – кротко проговорила Алена.

Он блеснул глазами – знает, паразит, что, если бы позвонил заранее, Алена немедленно съехала бы с этой квартиры, в командировку умотала, замки поменяла, сигнализацию поставила, в общем, бежала бы без оглядки, только чтобы с муженьком бывшим не встретиться. За три года совместной жизни уж так он ее достал, что без содрогания думать о нем Алена не может.

– Ты должна была надеяться! Ждать и надеяться! – с пафосом воскликнул Матвей.

Ишь какой упрямый, подумала Алена, спрятав насмешку, видать, сильно хочется ему пожить в большом городе сытно и богато. Ну, этого не будет, уж с ним-то Алена в силах разобраться самостоятельно.

– Ну так что – починишь душ? – требовательно повторила она.

Расчет был верен, Матвей терпеть не мог, когда от него чего-то хотели. Сам он ожидал от других всяческих благ, а поскольку дураков нету давать кому-то что-либо, ничего не получая взамен, то Матвей требовал всего хорошего от двух близких ему женщин – жены и матери. Правда, его мамочка годам к двадцати пяти сыночка своего полностью раскусила, поэтому женитьбу его на Алене только приветствовала. Все равно ничего у нее не вышло, Алена выдержала три

года и сбежала.

Сейчас видно было, что муженек ее впал в совершеннейшую панику и перестал соображать.

– Нет, извини, я передумал. Я лучше переночую у одного своего знакомого… – с этими словами Матвей подхватил чемодан и бросился к дверям.

– И конфеты ей отдай! – крикнула ему в спину Алена и запустила злополучной «Гвоздикой».

Дверь за Матвеем захлопнулась, она перевела дух и направилась на кухню, чтобы выпить наконец свой кофе. После неожиданного визита руки у нее тряслись, душу переполняли гнев и раздражение. Хотя злиться, конечно, можно было только на себя: зачем пошла на поводу у матери и дала ей свой адрес? Просто какое-то затмение на нее нашло. Мать беспрерывно звонила ей на мобильный и ныла – как ты, где ты? Пропадешь, как отец, хоть адрес оставь… Мало ли со мной что, люди напишут… Глупость какая, пока письмо дойдет, говорила Алена, лучше позвонить. Но мать не слушала возражений, она звонила беспрерывно, днем и ночью. Алена не могла отключить телефон, приходилось брать трубку во время совещаний и бесед с клиентами. В конце концов, доведенная до белого каления, она проорала в трубку адрес, присовокупив, чтобы мать никому его не сообщала, и вот пожалуйста, не прошло и трех недель, как заявился бывший муженек! Нарочно мать это сделала, что ли? Нужно было просто поменять номер и затаиться. Вот папочка в свое время правильно сделал, ушел – и как отрезал!

Алена горько усмехнулась, вспомнив свое нищее и одинокое детство. Что ж, зато никто не мешал отцу строить свое благополучие, создавать собственную фирму и зарабатывать деньги.

Кофе, конечно, остыл, и Алена снова поставила его на плиту.

Глядя на коричневые пузырьки, она вспомнила, какой грандиозный скандал устроила ей мать перед отъездом. Алена прочитала тогда письмо и сунула его в сумку, а потом так закрутилась на работе, что и из головы вылетело это письмо. Откровенно говоря, не слишком она поверила в то, что там написано про наследство.

С десяти лет не было в ее лексиконе слова «отец», да и раньше-то не много она с отцом общалась. Не помнит Алена, чтобы папа гулял с ней по выходным, катал на лодке летом или на санках зимой. Не помнит, чтобы ждала она папу с работы, подбегая к окну, а когда он приходил, висла у него на шее. Не помнит детского ощущения, когда сидишь высоко, поддерживаемая сильными руками, и все видно вокруг далеко-далеко, и не боишься упасть, потому что папа этого никогда не допустит. Так что не слишком поверила Алена в наследство. Так не бывает – как ушел отец из семьи, оставив десятилетнюю Алену, так почти двадцать лет и не слыхали о нем ничего. Значит, не нужна ему была дочка. А тут вдруг на смертном одре вспомнил. Странно это, жизнь научила Алену никому и ничему не верить с первого взгляда.

Она вспомнила про письмо только вечером, когда увидела его в руках у матери. Черт, и как же она забыла, что мать вечно шарит у нее в сумке в поисках сигарет! И ведь сто раз говорила ей Алена, что не курит, давно бросила, и ей советует то же самое, а все как об стенку горох!

– Что это? – Мать взмахнула письмом, глаза ее были выпучены, голос скрипел.

– Не видишь, что ли? – вспылила Алена. – Тебе никто никогда не говорил, что чужие письма читать неприлично? Сколько раз просила, чтобы ты не шарила у меня в сумке! Мама, я в конце концов там мышеловку поставлю!

– Ты с ним общаешься? – заорала мать. – За моей спиной?

Алена промолчала, она прекрасно знала, что нельзя сразу заводиться, вступать в объяснения, приводить доказательства – мать только того и ждет. Возражений и объяснений она никогда не слушает, просто не воспринимает, а реагирует только на повышенный голос. Вот тогда она начинает орать почище пароходной сирены.

– Этот подлец нас бросил, а ты с ним общаешься? – спросила мать с меньшим накалом.

– Уж раз прочитала, то уразумей, – Алена подошла ближе, – там сказано, что он умер больше месяца назад.

– Туда ему, подлецу, и дорога! – Мать смачно плюнула на пол.

Алену покоробило не от слов, а от деяний, но она сумела сдержаться.

– Ой, жизнь моя несчастная! – внезапно визгливо заголосила мать.

Появилось у нее это кликушество с тех пор, как умер Васенька. Вдруг ни с того ни с сего на нее накатывала истерика. Алена даже к врачу ее водила, тот выписал таблетки, только мать их не пила. Так что в особо трудных случаях Алена по совету тети Глаши выливала на мать ковш ледяной воды. Помогало.

На этот раз мать отвлеклась на крик, и Алена сумела подобраться к ней незаметно и вырвать письмо.

– Если ты примешь от него хоть один рубль, хоть одну плошку, – заговорила мать, тут же прекратив истерику, – если ты примешь его наследство, я тебя прокляну! – И вытянула руку вперед жестом, который подсмотрела в каком-то сериале.

– Да что ты? – насмешливо сказала Алена, вчитываясь в письмо. – С чего это вдруг?

До сих пор Алена не воспринимала всерьез известие о наследстве, теперь же разглядела в углу штамп солидной адвокатской конторы и подумала, что не станут люди заморачиваться из-за пустяков. Не иначе как квартирку папочка ей оставил, что ж, это очень кстати. А если только часть, то деньгами можно взять, тоже пригодятся.

«Поеду, – решила Алена, – разузнаю там на месте что к чему. На работе отпуск возьму».

Мать все поняла по ее глазам.

– Уедешь, как он когда-то, – заныла она, – бросишь мать одну в тяжелом состоянии… И не вернешься, я знаю, у-у, отцовское отродье, вся в него… И за что мне такое наказанье? Чем я Бога прогневила?

Далее все началось по новой, и Алена пошла в свою комнату собирать вещи.

Пока она думала о делах своих скорбных, кофе, разумеется, сбежал. Алена махнула на него рукой и налила в чашку простого кипятка, утопив в ней завалявшийся пакетик чая. Круассан на вкус оказался резиновым, орехами там и не пахло. Или просто все сегодня кажется ей противным и невкусным?

Это оттого, что муж заявился, поняла Алена. Мало ей неприятностей на фирме, мало того что сотрудники, подученные этой сволочью Марианной, вдовой отца, шушукаются за ее спиной и саботируют ее распоряжения, мало того что ее сводный братец, сын Марианны, смотрит с откровенной издевкой, мало того что скотина Филиппов, управляющий банком, отказал ей в кредите в самой оскорбительной форме, так ко всему еще Матвей свалился на ее бедную голову, которая и так скоро треснет от забот!

Муж – это был только ее просчет, ее огромная ошибка. Если во всех других несчастьях можно было винить судьбу – отец их бросил, мать оказалась совершенно неприспособленной к жизни, опять же детство ее пришлось на перестройку, оттого получилось тоскливое и голодное, – то решение выйти замуж за Матвея она приняла сама, никто ее не тянул насильно. Матери было все равно, да Алена с ней и не советовалась, будущая свекровь, ясное дело, на словах относилась к Алене неплохо, но вовсе не стремилась ускорить свадьбу.

Впрочем, свадьбы никакой и не было – молодые расписались в загсе, а потом посидели недолго в кафе со свидетелями, свекровью и тетей Глашей вместо матери. Дело было летом, Алена так рассчитала, чтобы мать с Васенькой были в деревне.

Алена тяжко вздохнула, допивая остывший чай. И как ее только угораздило? Вот уж верно тетя Глаша говорила – бес попутал!

После окончания училища Алена недолго расслаблялась, она поняла, что работа секретарши не для нее. Ну какая в такой работе может быть перспектива? Ну, продержится она несколько лет, потом начальники начнут корчить недовольные физиономии – возраст, дескать, уже не тот. Кофе подавать да по телефону отвечать – ума большого не надо и опыта тоже, любая девчонка справится.

В их городе был политехнический институт, тот, что когда-то оканчивал отец. Там, отдавая дань моде, открыли факультет экономики и менеджмента. Алена подала документы на вечернее отделение одной из первых.

Мать узнала об этом от тети Глаши – та обратила внимание матери на то, что Алена очень похудела, и просила позаботиться о дочери, кормить повкуснее, от домашних дел освободить.

Соседка хотела как лучше. А получилось, естественно, как всегда. Мать устроила жуткий скандал, кричала, что Алена, как отец, сядет теперь на ее шею, а потом, выучившись, уедет и бросит ее в старости в полном одиночестве и болезни.

На тот момент матери было всего сорок лет, так что разговоры о старости были, мягко говоря, не очень уместны. Впрочем, Алена давно уже научилась мать не слышать, ничего умного и дельного она в жизни не сказала.

Из коммерческого магазина к тому времени мать уволили (всюду интриги, утверждала она), она по рекомендации тети Глаши устроилась оператором газовой котельной. Летом котельная не работала, и мать с мая по сентябрь жила в деревне.

Бабушка к тому времени умерла, дядьки окончательно спились, один брат вернулся из армии инвалидом, другие вообще болтались где-то по бескрайней стране, изредка присылая весточку. С невестками мать не ладила, те попрекали ее куском и презирали за городской образ жизни. Все люди с утра в огороде спину гнут, а она, как барыня, на лужочке цветы собирает!

И однажды мать вернулась из деревни в сопровождении тихого с виду мужичка с яркими голубыми глазами. Алене он представился Василием, мать звала его Васенькой.

Васенька был невысок ростом, говорил негромким деликатным голосом и улыбался застенчиво, не было в его внешности ничего примечательного, кроме голубых глаз. Но тетя Глаша, поглядев в эти невинные глаза, строго поджала губы. И была права.

Васенька оказался патологическим вором. Мать подобрала его в деревне – вроде бы Васенькина жена умерла, а дети его выгнали. Или, наоборот, сын разбился на мотоцикле, а жена с невесткой вечно сварились, так что жить в доме стало невозможно. Мать каждый раз рассказывала историю Васеньки по-разному, сам он помалкивал, только улыбался застенчиво.

Зажили они тихо, Алена еще сказала тете Глаше, что ей теперь легче – мать не цепляется по пустякам, занята мужем. Однако через некоторое время она стала замечать, что пропадают из кошелька деньги. То сто рублей, то пятьдесят. Не то чтобы были это большие деньги, но не с Алениной секретарской зарплаты пренебрегать и такими.

Сначала Алена суть проблемы не уразумела – ну, потеряла сотню, забыла, где истратила. Потом пропал у нее из шкафа новый кожаный ремень, потом серебряные щипчики для сахара – бабушкин подарок еще родителям на свадьбу. Ценных вещей у них в квартире сроду не водилось, так что красть было особо нечего, однако, когда у Алены пропала вся зарплата, она все же подняла этот вопрос за ужином. Васенькины глаза блеснули такой неподдельной обидой, что Алена сразу поняла – он. Да больше некому, к ним никто не ходит.

– Ты не на меня ли думаешь? – орала мать.

На мать Алена не думала, та если бы взяла, то сказала, с чего ей отпираться?

Деньги в кошельке Алена без присмотра больше не оставляла, но когда пропала кожаная куртка, на которую она долго копила, она решила принять меры. Использовала детский трюк – положила в кошелек стержень от шариковой ручки таким образом, что, попытавшись взять деньги, несведущий человек непременно измажется.

Матери не было дома, она в своей котельной работала по двенадцать часов через день. Алена оставила сумку в прихожей и затаилась в своей комнате. И через некоторое время услыхала стук, звук падения сумки на пол и замысловатое ругательство.

Она вышла в коридор. Васенька держал измазанные руки на весу, на полу валялась раскрытая сумка.

– Ах ты, гад! – рассвирепела Алена и пошла на него, собираясь устроить этому мерзавцу веселую жизнь.

Она не успела – коротко, без замаха, он ударил ее в солнечное сплетение, да так сильно, что перехватило дыхание. И ушел, громко хлопнув дверью, а она еще долго сидела на полу, хватая ртом воздух.

Васенька, очевидно, прямиком побежал жаловаться матери, потому что явились они вдвоем после ее смены. Алена к тому времени собрала свою одежду, а также разные мелочи и перетащила все к тете Глаше, у нее же и ночевать осталась. Соседка ее рассказу ничуть не удивилась, она-то сразу этого ворюгу раскусила.

Мать орала на лестнице и колотила в дверь соседки ногами, требуя, чтобы немедленно выдали ей эту стерву, Алену то есть, на расправу.

Алена к тому времени отлежалась и даже восхитилась – ну, артист Васенька, чего же он сумел матери про нее наговорить за такое короткое время?

Безобразие продолжалось до тех пор, пока не спустился сверху сосед, водитель троллейбуса. У него развозка в полпятого, сказал он, так что, если не угомонитесь, всех самолично успокою надолго. И потряс внушительными кулаками.

Васенька мигом утянул мать обратно в квартиру.

На следующий день, улучив минутку, поговорила тетя Глаша с матерью, но, вернувшись, только махнула рукой – совсем крыша съехала, ничего не соображает.

Алена хранила все вещи у тети Глаши, домой приходила только ночевать, но долго так продолжаться не могло. С матерью она не разговаривала, Васенька временно воровать перестал после того, как встретил во дворе участкового и тот поинтересовался, кто он такой и отчего живет без прописки.

Мать прописать Васеньку никак не могла, потому что он был ей фактически никто. Она бы официально с ним расписалась, но оказалось, что Васенька не

разведен с женой. То есть жена не умерла, а просто его выгнала, теперь понятно было за что.

И в это самое время пришла Алене мысль выйти замуж. С Матвеем они были знакомы уже полгода, встречались сначала в компании, а потом вдвоем. Он учился в педагогическим институте, потому что только там можно было найти гуманитарный факультет, подрабатывал где-то по мелочи и говорил, что мечтает снимать авторское кино. Что такое авторское кино, Алена представляла себе довольно смутно – как-то в ее жизни не было места Франсуа Трюффо и Жан-Люку Годару.

Мама Матвея работала референтом при мэре их города и выглядела вполне прилично для своих без малого шестидесяти лет.

Алене нравилось бывать у них дома. Казалось бы, небольшая двухкомнатная квартирка, но мать Матвея сумела сделать ее уютным домом. На окне кухни топорщились крахмальные занавески, стол был покрыт не выцветшей клеенкой, как у них, а красивой кружевной скатертью. Но чай пили не на кухне, а в комнате, из простых, но ярких новых чашек.

Будущая свекровь выглядела величественно, в белой блузке с камеей у горла и пышным узлом седоватых волос. Алену она называла на «вы» и была с ней убийственно вежлива. Но это потом, а поначалу встречала ее приветливо, особенно когда выяснила, что Алена оканчивает институт. Алена надеялась, что они поладят. Жить молодые должны были только у свекрови, такое она поставила условие, и это как нельзя лучше Алене подходило.

Сейчас она уже не помнит, что думала перед свадьбой о своем будущем муже, она воспринимала его не одного, а, как теперь говорят, пакетом, с мамой и квартирой. На первый взгляд выходило не так чтобы совсем плохо, а выбора у нее не было.

Правда выяснилась очень быстро. Матвей был патологически ленив. Делать ничего он не мог, не умел и, самое главное, категорически не хотел. Как уж он такой получился – от природы или мать его избаловала, у Алены выяснять совершенно не было желания. Но учиться он не хотел, сидел по два года на одном курсе, его терпели, потому что в педагогическом всегда был недобор молодых людей. Работал Матвей от случая к случаю, долго на одном месте не

задерживался, да и не брали его в серьезную контору, потому что, как уже говорилось, ничего он не умел делать ни головой, ни руками. Умел только болтать, мог внезапно загореться и увлеченно рассказывать о каком-нибудь проекте, это прокатывало некоторое время, однако люди быстро понимали, что за красивыми фразами, в общем-то, ничего не стоит.

Дома Матвей был груб и ужасающе неряшлив, Алену иногда просто трясло при виде разбросанных по всей комнате воняющих носков, яблочных огрызков на письменном столе и крошек песочного печенья в постели.

Ел он вообще многовато, на взгляд Алены, пузо налезало на ремень джинсов, как опара на край кастрюли.

Семейная жизнь протекала худо-бедно до тех пор, пока свекровь не уволили из мэрии. Пришли молодые да шустрые, и свекровь по возрасту попросили вежливо, но твердо. Она была женщиной неглупой и дальновидной, поэтому если и огорчилась, то не подала виду. Алену она к тому времени устроила в одну фирму на весьма приличную зарплату и поговорила с ней приватно.

– Вот что, невестушка, – сказала она, заваривая хороший чай, – я свое дело сделала, работала сколько могла, теперь твоя очередь. Впрягайся! Теперь ты у нас добытчица!

Как видно, свекровь отлично знала своего сына и понимала, что денег с него в семью получишь как с козла молока.

Мать знала своего сына, но не слишком хорошо знала невестку. Алене же вовсе не улыбалось вкалывать на эту семейку, ничего не получая взамен. И если свекрови она все же была благодарна за устройство на работу и понимала в душе, что человек к шестидесяти годам имеет полное право на отдых, то с каких радостей должна она содержать этого бугая, своего муженька?

Они начали ссориться, Алена его пилила, Матвей огрызался, потом стал хамить и орать. Свекровь, разумеется, приняла сторону сына. Мы, говорила, тебя взяли из грязи в приличный дом, у тебя своего ничего не было, а теперь ты фордыбачишь! Алене после таких слов хотелось хлопнуть дверью, но уходить было некуда.

У матери она не бывала, но знала, что там творится, по рассказам тети Глаши. Денег после ухода Алены у них не хватало, и мать пыталась устроить Васеньку на работу. Его никуда не брали без прописки, так что он работал грузчиком в магазине, дворником на рынке, сторожем в авторемонтной мастерской.

И везде Васенька воровал. В магазине упер коробку шоколадок, на рынке у фермера, что торговал курами, стащил двух бройлеров, в мастерской пытался спионерить запчасти, но был пойман за руку и вышвырнут под зад коленом. Устроился на вещевой рынок, но был бит за кражу зимних дамских сапог. Сапоги были сорок второго размера, их никто не брал, так что если бы Васенька не догадался оставить коробку на месте, никто бы не хватился. Но вид пустой яркой коробки привлек всеобщее внимание, и Васеньку торговки побили от души.

В свободное от работы время Васенька тащил все, что плохо лежит. Он не брезговал сохнущим бельем на веревке во дворе, он выкапывал свежевысаженную рассаду на клумбах в парке, он пытался отвинтить зеркала у припаркованных машин, за что был автолюбителями не только бит, но и посажен вниз головой в сугроб.

Летом сладкая парочка уехала в деревню, и соседи вздохнули с облегчением. А в сентябре позвонила Алене тетя Глаша и сказала:

– Приезжай, а? Я больше не могу, сил нет…

В своей квартире Алена застала такую картину.

Мать сидела на полу, раскачивалась из стороны в сторону и орала визгливым голосом:

– Да на кого ж ты меня покинул, сокол мой ясный, Васенька-а? Да куда же я теперь без тебя-я?

Тетя Глаша только махнула рукой и закрыла дверь в комнату. Стало потише, и она ввела Алену в курс дела. Васенька и в деревне не угомонился, горбатого, как известно, только могила исправит. Васенька таскал дрова у соседей, выкапывал картошку, увел у бабы Мани новые галоши для огорода, которые она неосмотрительно бросила на видном месте; соперничая с мальчишками, он

обтряс летнюю яблоню у материной невестки тети Нины. Каждый день в деревне стоял крик и гам – сельчане на чем свет костерили Васеньку.

Пропали у справного хозяина два гуся, неосторожно вышедшие за калитку, известно было, что Васенька продал их на станции. Пользуясь маленьким ростом и щуплым своим сложением, влез Васенька в крошечное оконце кладовой сельпо и утащил мешок перловой крупы. Мешок оказался с дырой, так что Васенька оставлял за собой след, как Мальчик-с-пальчик, по крупе его и нашли.

По поводу перловки приехала милиция – дело серьезное, кража из магазина. Однако из-за одного мешка дело заводить не стали, а Васенька на следующую ночь утащил у соседа рулон сетки для забора. И спрятал ее в овраге, опять-таки нашли по следам. Сосед побил стекла в их доме, за что родственники на мать очень рассердились и велели убираться в город, а им сраму и ругани надолго хватит.

И собрала было мать вещи, но тут Васенька пропал, а по прошествии двух суток нашли его на лесной тропинке с проломленной головой. Как видно, кто-то из потерявших терпение односельчан разобрался с ним по-своему, в деревне воров не любят.

Мать как про это узнала, так и пала на землю с воем, но понимания у соседей не нашла, а когда опомнилась, оказалось, что все хлопоты по поводу похорон взяла на себя Васенькина семья, а ее и на порог в тот дом не пустили. Мать побежала в другую деревню, где недавно открыли церковь и батюшку нового прислали. Хотела заказать заупокойную службу, так священник, когда узнал, что они с Васенькой не расписаны, очень рассердился, от сожительниц, сказал, не принимаем!

Вот так, сказала тетя Глаша, уже неделю с ней мучаюсь. «Скорая» приезжать отказывается, говорят, в следующий раз сразу в психушку свезем…

Со временем мать утомилась и устраивала показательные выступления раз в три дня. Алена переехала домой, сказав на прощание мужу, что подает на развод.

Она много работала, на мужчин и не смотрела после неудачного замужества, да, откровенно говоря, и глядеть-то было не на что. Если и был кто приличный в их городе, так тех давно уже разобрали другие. Алена не хотела замуж, она хотела

новой жизни, интересной, хорошо оплачиваемой работы, удачной карьеры. Ей было тесно в Заволжске, хотелось в большой город, хотелось свежего воздуха и простора. Но как этого добиться? Кто ее ждет в большом городе – без связей, без денег, без жилья?

Потихоньку на Алену накатывала тоска. Время неумолимо бежало вперед, ей шел уже тридцатый год. Она боялась смириться. И вдруг пришло письмо с сообщением о наследстве. Неужели это тот самый шанс, который дает Алене ее не слишком щедрая на подарки судьба? Во всяком случае, Алена решила им воспользоваться, пусть даже ничего и не выйдет.

Алена очнулась от раздумий и осознала себя сидящей за столом с пустой чашкой в руке. Что-то сегодня на нее навалились воспоминания, да ведь и вспомнить-то особенно нечего…

Она заснула быстро, но сон был тяжел, как ватное одеяло, и не принес отдыха.

Утром некогда было раздумывать о своей жизни, водитель опять опоздал. На улице шел дождь, Алена уныло ждала машину у подъезда. Дом был старый, козырек над подъездом протекал, к тому же все время туда-сюда сновали жильцы и, натыкаясь на Алену, смотрели злобно. Она и сама потихоньку накалялась, глядя на часы.

Ладно, с подлецом-водителем она разберется позже, а сейчас нужно успеть на работу. На десять утра назначено совещание, а до этого еще нужно просмотреть кое-какие бумаги.

Алена подняла воротник плаща и выбежала на улицу, поднимая руку. Как назло, ни одна машина не останавливалась, а какой-то наглый жигуленок еще и водой из лужи окатил.

– Черт! – сказала Алена, чувствуя, как на глаза набегают злые слезы. – Черт, черт!

В это время перед ней затормозил красный микроавтобус с надписью «Родной хлеб». И еще нарисована была на его борту пышная румяная красавица в

кружевном кокошнике, которая держала в руках огромный каравай.

Водитель выглянул в приоткрытую дверцу кабины. Совсем молодой парень, на затылке смешной хохолок, нос курносый.

– Садиться будешь? – улыбнулся он. – А то, может, мой транспорт тебе не подходит?

– Подходит! – обрадовалась Алена. – Вымокла вся до нитки…

В салоне одуряюще пахло свежим хлебом, у Алены даже скулы свело от внезапного голода. Прежде чем тронуть машину с места, водитель вытащил откуда-то кривоватый батон и протянул Алене:

– Попробуй! Это некондиция, все равно в продажу не пойдет…

Батон был горячий и ужасно вкусный, Алена впилась в него зубами, как будто сто лет не ела.

– Мне тут близко, – сказала она, жуя, – второй переулок направо.

Фирма занимала трехэтажный, отлично отреставрированный особнячок, подъезд был с красивым лепным порталом и двумя коваными фонарями по бокам.

– Ого! – сказал водитель. – И кем же ты тут трудишься?

– Менеджером, – обтекаемо ответила Алена, ни к чему парня смущать, да и не поверит он, что она владеет половиной компании, она и сама в это не слишком верила.

– Ну, беги, – сказал он и отмахнулся, когда Алена полезла за деньгами, – опоздаешь – начальство заругает!

– Спасибо, Ванюша, – Алена прочитала его имя и фамилию на карточке, что засунута была за ветровое стекло. – И за батон тоже спасибо!

Охранник за стеклянной дверью выпучил глаза, увидев, на чем приехала Алена.

– Что это с вами случивши? – полюбопытствовал он. – Где это вы машину потерявши?

Как будто она какая-нибудь Маша-растеряша или тетеха деревенская – так и сказал «случивши, потерявши…». Издевается, гад! Это каково же ее положение в фирме, если даже такая мелочь, как охранник, смеет над ней издеваться!

Они ее провоцируют, поняла Алена, они все ее провоцируют по приказу этой стервы Марианны. Хотят, чтобы Алена сорвалась, накричала, впала в истерику. Не отвечая на возмутительный выпад охранника, она пересекла холл и успела войти в лифт первой. И сразу же нажала свой третий этаж, пока никто не вошел следом. В зеркале отразилась жуткая растрепанная личность в мокром плаще, с размазанной под глазами тушью. И туфли заляпаны грязью.

Когда двери лифта раскрылись, Алена побежала к кабинету отца, который теперь, по идее, стал ее кабинетом. Собственно, ее в данный момент не интересовало ничего, кроме личного санузла с горячей водой и мылом, и она от души надеялась, что никто ее не заметит.

Ага, как же. В кабинете по-хозяйски развалился в кресле Вадим, а за столом восседала его мамаша, вдова ее отца, Марианна Юрьевна Стогова собственной персоной.

Когда Алена по приезде явилась в адвокатскую контору прямо с вокзала, там-то она и увидела впервые свою мачеху. Собственно, мачеха выглядела едва ли не моложе ее, во всяком случае, ни за что не скажешь, что у этой женщины есть сын девятнадцати лет.

На Алене тогда были не слишком чистые джинсы (два дня в поезде) и простая кожаная куртка (дорогую-то упер Васенька, чтоб ему на том свете в аду досталась пригорелая сковородка!).

Сидевшая в кабинете адвоката женщина при виде ее не сказала ни слова, только переменила позу, пересела так, чтобы лучше видны были ноги – длинные, гладкие, ухоженные. Фигура отличная, ни малейшего намека на жир, мышцы тренированные фитнесом и бассейном, на лице ни одной морщинки.

На Марианне Юрьевне был дорогой деловой костюм, в ушах бриллиантовые серьги, на руках всего два кольца – обручальное на левой, как положено вдове, и еще одно, с крупным бриллиантом.

Лицо ее, над которым прилично поработали визажисты и косметологи, было бы, пожалуй, красивым, если бы не глаза. Глаза были большие, тщательно подкрашенные и темные от ненависти. Алена даже вздрогнула, увидев эти глаза. Вдова ее отца смотрела на нее не с любопытством, не с презрением, а с прямой и открытой ненавистью.

Только на один миг ненависть пропала из глаз Марианны Юрьевны, в них отразилась Алена – усталая, измученная дорогой, в недорогой несвежей одежде, с преждевременными морщинками вокруг глаз, без маникюра и косметики.

Когда разобрались с взаимными представлениями и Алена подтвердила свое родство с покойным отцом, ей стало известно, что папочка не оставил ей ни загородного дома на берегу залива, ни виллы в Испании, ни шестикомнатной квартиры в так называемом «золотом треугольнике». Не оставил он ей также ни рубля, ни доллара на одном из нескольких своих счетов, машины также не оставил. Алене досталась только папочкина компания, которую унаследовали они в равных долях со своим сводным братом Вадимом.

Компания была крупная, активы ее оценивались примерно в семьдесят миллионов долларов. Все же остальное получила вдова.

Алена слушала адвоката и думала о старой шубе, которую соседка по двору отдала матери. Шубу здорово поела моль, и тетя Глаша долго выпарывала целые кусочки, чтобы выкроить шубку для Алены. Получилось с трудом, и все равно шуба время от времени начинала вылезать клочьями, так что одноклассницы старались не вешать рядом с Алениной свою одежду. И обувь в детстве была вечно Алене велика – мать всегда покупала на вырост. И ели они почти одну картошку да макароны.

Ясно, что заработал все, что имел, папочка не в один день, так какого же черта не прислал хоть сколько-то денег на содержание дочери?

– Алена Дмитриевна, – проник в ее мысли голос адвоката, который, кстати, ей не понравился, с виду-то приличный, баритон бархатный, а глаза отводит, и рука вялая, – Алена Дмитриевна, у нас к вам будет деловое предложение. Вы – женщина неопытная, никогда не имели дела с большой компанией, не жили в большом городе…

«Уж это точно», – усмехнулась про себя Алена.

– Зачем вам вся эта головная боль? – Адвокат играл голосом, растягивая некоторые звуки. – Если вы откажетесь от наследства в пользу Марианны Юрьевны, она выплатит вам компенсацию.

От неожиданности Алена едва не поперхнулась. Вот как, от нее хотят откупиться!

– Поверьте, – зарокотал адвокат, – вам не стоит брать на себя такую ответственность. Куда лучше просто получить деньги!

– Каковы размеры компенсации? – Голос Алены звучал хрипло, пожалуй, это и к лучшему – пусть эти двое думают, что от жадности.

– Двушка в спальном районе и десять тысяч долларов наличными, – едва разлепив губы, прошипела вдова.

Алена подняла брови. Эти двое держат ее за полную дуру? Они думают, что она не имеет представления, что такое компания, активы которой оцениваются в семьдесят миллионов долларов?

Тут она поймала взгляд своего сводного брата. Вадим тоже был в кабинете адвоката, сидел чуть в стороне со скучающим видом. С виду парень красивый, одет с иголочки, подстрижен у модного парикмахера. Все портило выражение лица – кривящиеся в презрительной усмешке губы, взгляд с издевкой. Этот Алену не ненавидел, он ее презирал.

– Это не разговор, – сказала Алена.

– Двадцать тысяч наличными, – тут же сказал адвокат, – трехкомнатная квартира в зеленой зоне, евроремонт, район полностью обустроен, есть магазины…

– Вы не поняли, – перебила его Алена, – ни о какой компенсации не может быть и речи. Я не собираюсь отказываться от наследства.

– Что-о? – Глаза вдовы блеснули еще большей злобой.

– Алена Дмитриевна! – воскликнул адвокат. – Дело в том, что ваш отец сам руководил компанией, не было наемного директора! Вы не сможете занять его место!

– Отчего же? – улыбнулась Алена, хотя ей многого стоила эта улыбка. – У меня высшее образование – экономика и менеджмент, я работала в этой сфере.

– Где? – заорала вдова. – В своем Задрипанске?

– В Заволжске, – кротко поправила ее Алена. – Это родина вашего мужа, могли бы запомнить.

Вдова подскочила к ней, сжимая кулаки, надо полагать, с намерением вцепиться наглой провинциалке в волосы и выцарапать ей глаза.

– Марианна Юрьевна! – предостерегающе проговорил адвокат, а в глазах ее сына на миг мелькнула искра интереса.

Алена отступила к стене и отодвинула ногой свою дорожную сумку, чтобы не мешала маневру. Если вдова хочет с ней подраться – что ж, это пожалуйста. Ишь, разлетелась! В себе уверена, небось посещала какие-нибудь модные курсы самообороны. Не приходилось ей отбиваться от трех наркоманов, которые вознамерились отнять у поздно возвращающейся домой Алены сумку с последними деньгами. Не проваливалась она в деревне в болото, когда пошла с братьями за клюквой. Брат тогда крикнул: «Замри на месте!» – и она стояла, руки по швам, как солдатик, с ужасом ощущая, как ноги уходят в жижу все глубже, а вот уже грязная болотная вода дошла до пояса, а там и по грудь, и только тогда брат сумел пригнуть к ней молодую березу. Не приходилось

Марианне Юрьевне плыть к далекому берегу, когда лодка, на которой катались ребятишки, внезапно перевернулась. Алена там была самая младшая и выплыла сама, никто не помогал.

Все эти воспоминания отразились в ее кривой усмешке, пока вдова подбегала к ней ближе.

– Марианна Юрьевна! – Адвокат выскочил из-за стола и ухватил вдову за локоть. – Что вы, в самом деле…

Вдова позволила отвести себя в сторону. Когда она взглянул на Алену, та прочитала в ее глазах, что ей объявляют войну. Не захотела, милочка, по-хорошему, будет по-моему, говорил ненавидящий взгляд вдовы.

С тех пор прошло чуть больше месяца. И надо сказать, что Марианна Юрьевна уверенно шла к победе. Ее цель была – выжить из фирмы Алену, и ради этой цели она готова была пожертвовать компанией. Она восстановила против нее весь персонал, начиная с коммерческого директора и заканчивая секретаршей. Ну, эту-то и восстанавливать не нужно было, и так была во всем заодно с Марианной.

Неприветливая, жутко неприятная баба, может, она и была ровесницей Марианне, но выглядела гораздо старше своих сорока. Морда вечно скривлена, жесткие волосы торчат в разные стороны, их хорошо бы вместо колючей проволоки использовать. Ну, понятно, что секретаршу мужу подбирала Марианна Юрьевна, а какая же жена допустит, чтобы в приемной сидела записная красотка. И сновала по кабинету, и подавала кофе, и оставалась по вечерам, когда срочная работа… А на эту без слез не взглянешь, ни о каких служебных романах не может быть и речи. Звали секретаршу Валерией, имя ей это никак не подходило.

Алена боролась, но силы ее были на исходе. «Саботаж» – вот точное слово для характеристики действий сотрудников.

С Марианной Алена старалась не разговаривать, но везде натыкалась на глухую стену, тщательно построенную этой женщиной.

Она наткнулась на взгляд Марианны и невольно остановилась, как будто перед ней была непреодолимая преграда. Теперь во взгляде вдовы ненависти не то чтобы поубавилось, она просто стала не такой неистовой и потихоньку уступала место презрению и торжеству. Марианна Юрьевна торжествовала победу.

Сейчас в ее взгляде отразилась Алена – всклокоченная, в мятой юбке и заляпанных грязью туфлях. На самой Марианне был черный костюм. Короткий жакет подчеркивал тонкую талию и по-молодому тугую грудь.

«Гель вкачала, – мелькнуло в голове у Алены, – а впрочем, какое мне дело?»

Контраст ее с Марианной был разителен. Алена мысленно вздохнула и, не дождавшись приветствий, спросила:

– Чему обязана столь ранним визитом? Вроде бы, Вадик, вы нечастый гость у меня в кабинете…

– Мы хотим знать, чем закончились твои переговоры в банке… – лениво повернувшись, ответил Вадим.

Алена глубоко вздохнула и выпустила воздух через сжатые зубы.

– Филиппов отказал, – сказала она, – и вы об этом прекрасно знаете. Вы просили его об этом, и его секретарша сообщила вам об отказе, едва я вышла. Зачем, Вадим, зачем вы это делаете? Наш отец создавал эту компанию годами, и теперь все может рухнуть за несколько недель!

К Марианне она принципиально не обращалась, но слова «наш отец» произвели такой же эффект, как красная тряпка на быка.

– Мне плевать на компанию! – заорала Марианна. – Убирайся в свой Задрипанск, недоноска! Ишь, разлетелась – из грязи в князи!

С тех самых пор, как увиделись они впервые в кабинете адвоката, Марианна врукопашную с Аленой схватиться побаивалась, предпочитала орать гадости издалека.

– Если у вас все, то попрошу покинуть мой кабинет, – устало сказала Алена, – мне нужно работать.

– Пойдем, маман, – сказал Вадим с неизменным выражением скуки, – что тут сидеть…

– Работай, работай! – злорадно сказала Марианна. – Недолго тебе осталось, вылетишь отсюда! Я собрание акционеров соберу!

После их ухода Алена задумалась. Ей принадлежало сорок процентов акций фирмы, Вадиму столько же, еще двадцать было у мелких акционеров, включая некоторых старых служащих компании. Если Марианна сумеет привлечь их на свою сторону, то у ее противников будет шестьдесят процентов акций, и тогда они могут, к примеру, принять решение не выплачивать дивиденды по акциям. У Марианны-то деньги есть, а она, Алена, останется без копейки на целый год. На это Марианна и рассчитывает.

– Валерия, зайдите ко мне, – сказала Алена в телеком.

Секретарша явилась не сразу, и это тоже было хамством.

– Кофе? – спросила она.

– Кофе вы варите отвратительно, – сказала Алена чистую правду, – так что у меня другое задание. Напечатайте релиз о состоянии дел фирмы и разошлите всем держателям акций. Да, и сотрудникам пошлите попозже, после обеда.

Она знала, что после обеда Марианны в компании не бывает.

Дальше день потек своим чередом, в рабочей суете и мелких стычках.

Вечером Алена в одиночестве ужинала на кухне, глядя перед собой пустыми глазами. Она так устала, что не могла ни о чем думать, хотелось поскорее лечь в постель и выключить свет, чтобы ничего и никого не видеть.

И в это время в дверь снова позвонили, как вчера, когда явился Матвей.

Алена замерла на месте, держа в руках вилку. Звонок повторился, был он очень настойчив – видно, что человеку очень надо и просто так он не уйдет.

Матвей! Это он, больше некому! Поразмыслил и решил, что потерпит сломанный душ, ради богатой и сытой жизни еще и не то вытерпеть можно!

Сейчас он начнет колотить в дверь ногами и орать.

Алена застонала, шагнула к двери, прижалась к щели и проговорила, с трудом сдерживаясь:

– Ну, чего тебе еще надо? Конфеты свои, что ли, забыл?

Никто ей не ответил. Она прильнула к глазку, в него было видно пустую площадку. Все ясно, прячется.

– Тебе не надоело? – крикнула она. – Имей в виду, я все равно не открою!

В ответ не раздалось ни звука, однако, когда она на цыпочках отошла от двери, звонок повторился снова.

– Черт! – Алена распахнула дверь.

Но Матвея за ней не было.

В первый момент Алене показалось, что там вообще никого не было, только, опустив глаза, она увидела изящную черную кошку в красивом ошейнике. Кошка подошла к ней и потерлась о ноги.

– Эй, а ты откуда взялась? – Алена удивленно оглядела лестничную площадку. Все двери были закрыты, и на лестнице, кроме кошки, не было ни души.

Но ведь кто-то же трезвонил в дверь!

Кошка снова потерлась о ее ноги, громко мяукнула и взглянула Алене в глаза. Глаза у кошки были зеленые, как два изумруда, и очень выразительные.

– Ты хочешь есть? – спросила Алена, наклонившись и почесав гостью за ухом.

Кошка благосклонно мурлыкнула.

– Я, конечно, поищу, что у меня есть съедобного, но вообще-то хотелось бы сначала узнать, чья ты! Ты такая красавица, и хозяева тебя наверняка ищут!

Алена подхватила кошку. Кошка не возражала. Напротив, она потерлась пушистой щекой о щеку Алены и тихонько замурлыкала. Алена почувствовала, как раздражение после сегодняшнего беспокойного дня покидает ее душу.

Прижимая к себе пушистую гостью, Алена подошла к соседней двери и позвонила.

Дверь открылась в ту же секунду, словно ее звонка ждали. На пороге стояла скрюченная старушонка в лиловом плюшевом халате, с голубыми волосами, накрученными на бигуди.

– Чего надо? – проскрипела она, окинув Алену неприязненным взглядом.

– Это не ваша кошка? – спросила Алена. – Понимаете, мне кто-то позвонил, я открыла, смотрю – кошка…

– Кошка?! – взвизгнула старуха, и ее лицо перекосилось от омерзения. – Ненавижу кошек! От них одна грязь! Никогда в моем доме не было кошки и никогда не будет!

С этими словами она захлопнула перед Аленой дверь.

– Нет так нет… – проговорила Алена. – Значит, ты точно не из этой квартиры…

Она погладила кошку по голове и подошла к следующей двери.

На этот раз на ее звонок долго не открывали. Наконец за дверью громко чихнули, дверь распахнулась, и Алена увидела растрепанного мужчину лет сорока с красными слезящимися глазами. Мужчина тер распухший нос

клетчатым платком.

– Простите, это не от вас кошка убежала? – спросила Алена, предъявив соседу свою пушистую гостью.

– Нет, – проговорил тот в нос и снова громко чихнул. – У меня аллергия на кошек, и на собак тоже… Я бы и рад завести животное, но никак не могу… Извините, я даже рядом с ней не могу находиться… – Он отступил в глубину квартиры и торопливо закрыл за собой дверь.

– Значит, и не отсюда… – констатировала Алена и подошла к последней двери на площадке.

На этот раз кошка забеспокоилась и попыталась спрыгнуть на пол.

– Что с тобой? – Алена придержала кошку и погладила, стараясь успокоить. Затем нажала на кнопку звонка.

За дверью раздался странный звук – как будто там заработал мотор мощного мотоцикла. Затем дверь медленно открылась, и Алена увидела массивную лобастую золотисто-песочную голову и чуть приоткрытую пасть с крупными, чуть желтоватыми клыками.

На пороге квартиры стоял огромный пес – то ли бордоский дог, то ли мастино неаполитано, Алена не очень разбиралась в породах собак. Именно его рычание она услышала из-за двери.

При виде гостей пес перестал рычать, вопросительно взглянул на кошку и громко сглотнул. В его взгляде читалось: «Вы ко мне? А я сегодня вообще-то не ждал гостей!»

Кошка на руках у Алены подобралась и непостижимым образом стала гораздо более пушистой. При этом она всем своим видом старалась показать, что пес ее совершенно не интересует.

Из глубины квартиры донесся мужской голос:

– Рузвельт, кто там пришел?

Пес полуобернулся и негромко рыкнул. Алена не очень хорошо понимала по-собачьи, но ей показалось, что он довольно отчетливо прорычал: «Это ко мне!»

Затем Рузвельт снова шумно сглотнул, облизнулся и наклонил голову к левому плечу, как будто спрашивая: «Ну так что – вы зайдете или так и будете стоять в дверях?»

– Да, думаю, это тоже не твоя квартира! – проговорила Алена, медленно отступая от двери. Кошка не возражала, только высвободила лапу и принялась нервно умываться.

Рузвельт совершенно по-человечески пожал плечами: «Ну, не хотите – как хотите!» – и захлопнул дверь. Как он это делает, Алена решила не уточнять.

Вернувшись к себе в квартиру, Алена спустила кошку на пол. Та изящно потянулась, сперва вытянув вперед передние лапы, потом отставив задние, зевнула во всю пасть, негромко, музыкально мурлыкнула и отправилась в обход квартиры. Неторопливо обойдя Аленино жилище и оценив его на твердую четверку, она пришла на кухню и с мечтательным видом села перед холодильником.

– Ну, давай посмотрим, что у нас тут есть! – Алена обследовала свой холодильник и нашла там кусок ветчины и пакет молока. Ветчину кошка обнюхала, недовольно фыркнула, чихнула и отошла с видом оскорбленного достоинства.

– Ты что – вегетарианка? – удивилась Алена.

Кошка в ответ взглянула на нее весьма выразительно: мол, ешьте сами свою ветчину, три дня пролежавшую в холодильнике!

Тогда Алена подогрела молоко и налила его в красивое блюдечко тонкого костяного фарфора. Блюдечко было с отбитым краешком, и, очевидно, поэтому хозяйка не забрала его, сдав Алене квартиру. Кошка приблизилась, деликатно выпустила розовый язычок и вылакала молоко в два счета. После этого вскочила

на подоконник и, вытянувшись во всю его длину, принялась изящно умывать мордочку.

Алена решила воспользоваться ее хорошим настроением и изучить ошейник: может быть, он подскажет ей, откуда появилась ее пушистая гостья.

Она осторожно сняла ошейник. Кошка при этом забеспокоилась и даже легонько цапнула Алену за руку. Видно было, что она не хочет расставаться с ошейником.

– Ну, подожди, я только посмотрю на него и тут же снова на тебя надену!

Ошейник был из мягкой темно-красной кожи, украшенной золотистыми узорами. Снизу к нему был прикреплен большой темно-зеленый камень овальной формы. Камень был прозрачный, гладко отшлифованный, в его зеленой глубине сверкали и переливались живые мерцающие огоньки.

– Какая прелесть! – воскликнула Алена. – Интересно, это стекляшка или настоящий камень? Если настоящий, то ты у нас не простая кошка, а знатная дама или даже царственная особа!

Кошка благосклонно выслушала ее слова и гордо вскинула голову, как будто и впрямь была венценосной особой.

Алена удивленно разглядывала зеленый камень. Повернув его к свету, она неосторожно потянула за край оправы, и камень отделился от ошейника. Алена попыталась прикрепить его обратно, но у нее ничего не получалось.

Кошка смотрела на нее неодобрительно.

– Извини, – смущенно проговорила Алена. – Честное слово, я не нарочно! Я вовсе не покушаюсь на твое сокровище и непременно прикреплю его к ошейнику. Если не смогу сама – отнесу в мастерскую…

Пытаясь прицепить камень на прежнее место, она вывернула ошейник наизнанку. На его внутренней поверхности было выведено золотом: «Клеопатра П.».

– Это твое имя? – спросила Алена у кошки. – Тебя зовут Клеопатра? Значит, ты и впрямь египетская царица?

Кошка повела ухом, видимо, подтверждая эти слова.

– Слишком длинное имя для кошки! – Алена покачала головой. – Наверняка у тебя было и уменьшительное имя. Как тебя звали хозяева? Патти? Клео? Клепа?

На последнее имя кошка презрительно фыркнула: оно ей явно не подходило как слишком простонародное.

– Ну, пусть будет Патти! Так что же мы с тобой будем делать?

Поразмыслив, Алена напечатала на принтере объявление: «Найдена кошка, черная и пушистая. Зовут Клеопатра. Верну хозяевам».

Снизу она добавила номер своей квартиры и мобильный телефон.

Это объявление она решила повесить в своем подъезде около лифта.

* * *

Юная царица вернулась в пиршественный покой. Лицо ее хранило задумчивое и загадочное выражение, что не укрылось от внимательных придворных. На вопросы она отвечала невпопад, почти ничего не пила и не ела, и скоро в зале начали перешептываться: не иначе как у царицы появился новый любовник! Кто называл молодого греческого поэта, кто – германца-гладиатора…

Через час царица поднялась с пиршественного ложа и со скучающим лицом удалилась в свои покои. Без нее веселье быстро угасло, и гости разошлись. Начальник дворцовой стражи Деллий проверил караулы и зашел в дежурную комнату. Здесь дожидался его Асменис.

Лицо евнуха, бледное и рыхлое, как непропеченная лепешка, было озабочено. Он переглянулся с Деллием и показал глазами на дежурного офицера. Деллий взмахом руки удалил его, и тогда евнух заговорил:

– Мне кажется, царица что-то пронюхала. Она с кем-то встречалась во время пира и после этого выглядела очень странно. Не связалась ли она с людьми иудейского царя Ирода? Этот интриган может дать ей отряд воинов для борьбы с братом, чтобы потом выторговать для своего царства города и земли…

– Не беспокойся, Бледнолицый! – насмешливо ответил Деллий. – Мои люди видели того, с кем разговаривала Клеопатра. Это какой-то нищий жрец из Некрополя. Наверняка он наплел девчонке с три короба про древнюю магию, про спрятанные в гробницах сокровища. Клеопатра обожает балаганных фокусников…

– Я просил не называть меня этим прозвищем! – перебил стражника Асменис. – И я не думаю, что это так безобидно! В этой стране жрецы обладают большим влиянием!..

– Влиянием, говоришь? – Деллий пренебрежительно махнул рукой. – Влияние – ничто, если за ним не стоят вооруженные воины! Пусть себе Клеопатра развлекается! Пусть болтает с фокусниками! Скоро придет наше время, мы посадим на трон ее безвольного братца, и тогда вся страна будет в наших руках!

– Смотри, Деллий, как бы не просчитаться! Нет ничего опаснее, чем недооценить врага! И повторяю – не называй меня этим оскорбительным прозвищем!

– Хорошо, Бледнолицый! – И Деллий грубо расхохотался.

В это время в покоях Клеопатры царило необычное оживление.

Царица сбросила нарядную столу и облачилась в короткую тунику, поверх которой набросила простой пастушеский плащ из верблюжьей шерсти, на ноги надела удобные дорожные сандалии. Верная служанка Ирида тоже завернулась в простой плащ, под которым спрятала короткий сицилийский меч. В соседней комнате их дожидались четверо преданных нубийских слуг и давешний жрец, служитель Некрополя.

Царица вышла к ним и проговорила:

– Я готова, бритоголовый! Кстати, я не спросила твое имя…

– Мое ничтожное имя – Гимарис, – ответил жрец с низким поклоном. – Пора идти, царица, западная звезда уже поднялась высоко, и нужно спешить, если ты хочешь вернуться к утру.

Жрец вышел из покоев царицы и направился было к выходу из дворца, но Ирида остановила его жестом и свернула к неприметной двери слева от царской опочивальни.

– Мы же не хотим, жрец, чтобы нас заметила дворцовая стража! – вполголоса сказала она, проходя мимо Гимариса. Удивленный жрец безмолвно последовал за служанкой.

За дверью оказалась кладовка, заставленная большими глиняными сосудами с оливковым маслом и мешками с душистыми травами. Ирида зашла в угол и постучала костяшками пальцев в стенки нескольких амфор. Одна из них отозвалась гулким голосом пустоты. Тогда служанка сняла с амфоры деревянную крышку, ловко подтянулась и спрыгнула внутрь пустой амфоры.

Служитель Некрополя смотрел на происходящее с удивлением.

Служанка пригнулась и скрылась в глиняном сосуде. Следом за ней туда же проникли двое нубийских слуг, затем оставшиеся двое подсадили Клеопатру, и царица вслед за остальными исчезла в волшебном сосуде.

– Полезай в кувшин, колдун! – пренебрежительно обратился к Гимарису один из оставшихся нубийцев.

– Но там, должно быть, и без меня тесно… – пробормотал жрец, но нубиец грозно сверкнул белками глаз, и Гимарис послушно забрался в амфору.

К его удивлению, там никого не оказалось. Нагнувшись, он увидел, что глиняный сосуд лишен дна, а вместо этого внизу круглая дыра, косо уходящая под пол и достаточно большая для взрослого человека. Сверху уже лезли в сосуд последние нубийцы, поэтому Гимарис, не задумываясь, протиснулся в дыру и ступил на первую ступеньку крутой лестницы.

Спустившись по ней, он оказался в низком сводчатом коридоре, освещенном дымным огнем факелов. Здесь его дожидалась Клеопатра со своими спутниками.

– Не только храмы и гробницы скрывают древние тайны, – проговорил Гимарис, почтительно приблизившись к царице. – Но и в твоем дворце, госпожа, есть удивительные тайники!

– Мне же иногда хочется выйти в город незамеченной! – с усмешкой ответила Клеопатра. – Ну, теперь пойдем быстрее!

Они прибавили шагу, и через несколько минут тайный коридор вывел их к основанию ведущей наверх лестницы. Нубиец, который шел впереди, поднялся по этой лестнице, осторожно открыл дверь и выглянул наружу. Убедившись, что вокруг все спокойно, он сделал знак спутникам, и все следом за ним вышли из тайного хода.

Они оказались в ночном саду, залитом бледным светом луны, как молоком. Это был фруктовый сад одного из богатых горожан, расположенный под самой стеной дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/zaklyatie-naslednicy-faraona

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить